

Per. A - 1169
- 598

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

598

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Труды по правоведению

Per A-1169
-598
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 598 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Труды по правоведению

ТАРТУ 1982

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я :

П.Вихалеми, В.Кельдер, Э.Лаасик, Х.Линдмяэ (отв.ред),

И.Мялль, И.Ребане, Э.Салумая

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

V 1983

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО
ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Ю. Р. А д о я н

кандидат юридических наук, доцент

I. Важность теоретической разработки вопросов возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, определяется самим значением охраны социалистической собственности в СССР. Интенсивность этой разработки отмечается особенно в последнее время. Если до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик вопросам уголовно-процессуального возмещения материального ущерба было посвящено лишь два исследования и только в части гражданского иска в уголовном процессе, то за последнее время их число увеличилось до десяти.¹ Наряду с гражданским иском в последних трудах по этим вопросам рассматриваются также другие уголовно-процессуальные средства возмещения ущерба, такие как реституция, возмещение ущерба судом без иска, добровольное возмещение ущерба и другие. Интерес к уголовно-процессуальным средствам возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, возрос в двух направлениях, во-первых, по охране государственного и общественного имущества от последствий преступных посягательств и, во-вторых, по исследованию различных процессуальных средств возмещения материального ущерба в уголовном процессе. Все эти средства охраны имущественных прав и интересов лиц, понесших материальный ущерб от преступления, рассматриваются в статье в единой правовой системе, образующей объединенный институт уголовно-процессуального права, в который входит институт гражданского иска в уголовном процессе его подинституты и ассоциации норм. Все они рассматриваются как структурно-упорядоченное правовое целое, в котором все его части взаимосвязаны и обуславливают друг друга.

В настоящей статье рассматривается одна из составных ча-

---

¹ См. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокарев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980, с. 130.

стей интегрированного уголовно-процессуального института возмещения материального ущерба, причиненного преступлением: добровольное возмещение этого ущерба. Сущность, задача и порядок добровольного возмещения могут быть более глубоко раскрыты, исходя из института возмещения в целом, частью которого оно является.

2. Следственная и судебная практика по уголовным делам о хищениях, должностных и хозяйственных преступлениях свидетельствует о неблагоприятном положении с возмещением ущерба, причиненного государственным и общественным организациям. На это указывают приказы Генерального Прокурора СССР и постановления Пленума Верховного Суда в адрес органов расследования и судов,² а также соответствующие ведомственные органы в адрес торгующих и иных организаций, имеющих отношение к государственному и общественному имуществу.³

Из директивных и ведомственных документов усматривается, что такому положению с возмещением ущерба во многом способствует несвоевременное направление государственными и общественными организациями, предприятиями и учреждениями в органы расследования и прокуратуру материалов о недостатках и хище-

---

² См., напр., ныне отмененное Постановление № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлениями. - Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973, М., 1974, с. 619; Постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 23 марта 1979 г. О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением. - Бюллетень Верховного Суда СССР. 1979, № 3, с. 10 и др.; Приказ № 69 Генерального прокурора СССР от 19 июля 1955 г. о мерах по усилению борьбы с хищениями социалистической собственности; Приказ № 6 Генерального Прокурора СССР от 24 февраля 1975 г. Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов о возмещении материального ущерба, причиненного преступлениями государственным, кооперативным и общественным организациям. - Социалистическая законность, 1972, № 6, с. 17 и др.

³ См., напр., Постановление правления Центросоюза от 29 августа 1968 г. № 132 О состоянии работы по возмещению ущерба, причиненного недостатками, хищениями и бесхозяйственностью в организациях и предприятиях потребительской кооперации. - Охрана социалистической собственности. Сборник нормативных актов. (В дальнейшем - Сборник), М., 1980, с. 335. См. также Об ответственности за передачу неоформленных и несистематизированных дел по недостаткам, растратам и хищениям в судебно-следственные органы. Письмо Наркомторга СССР от 19 апреля 1940 г. № 087. - Сборник, с. 383 и др.

ниях; несвоевременное возбуждение уголовных дел; недостаточно активный розыск похищенного имущества, необеспечение гражданского иска путем наложения ареста на имущество лиц, ответственных за причиненный преступлением ущерб, необоснованное оставление судом гражданского иска в уголовном деле без рассмотрения и др., т.е. несоблюдение соответствующими должностными лицами и организациями порядка производства по возмещению материального ущерба в уголовном порядке.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего основания и порядок производства по возмещению материального ущерба на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, свидетельствует, однако, о более глубоких причинах отставания в этой области уголовного судопроизводства. А именно, на этих стадиях уголовного процесса происходит возмещение материального ущерба, причиненного преступлениями, не организованно, от случая к случаю, ввиду полного отсутствия предписаний, регулирующих добровольное возмещение причиненного преступлением материального ущерба, а также реституции. Отсутствует даже такое предписание, которое обязывало бы следователя объявлять обвиняемому его право на добровольное возмещение причиненного им ущерба, в то время как уголовный закон считает такое возмещение одним из самых существенных среди обстоятельств, смягчающих его ответственность (ст. 37 ч. I п. I УК ЭССР). Наличие соответствующего предписания в УПК мобилизовало бы следователя и лицо, производящее дознание, на более активное содействие добровольному возмещению.

Отсутствуют также предписания, требующие от следователя принимать все меры по полному обнаружению похищенного или иным преступным путем отчужденного имущества, а также предписания о возвращении этого имущества в предусмотренном законом порядке их законным владельцам (собственникам). Наличие таких норм тоже мобилизовало бы следователя и лицо, производящее дознание, на активный розыск всего похищенного (отчужденного) имущества (ценностей) и на бережное отношение к этому имуществу, что не всегда обеспечивает производство по обнаружению и хранению вещественных доказательств.

Анализ законодательства, регламентирующего основные условия и порядок производства по гражданскому иску в уголовном процессе, дает основание для выводов о том, что одной из основных причин неэффективного возмещения ущерба, причиненного преступлением, является также нечеткая регламентация в

уголовно-процессуальном законодательстве порядка производства по указанному иску, дающая возможность по-разному истолковывать основные положения того в правовом смысле многогранного института уголовно-процессуального права, способствует неразберихе, бюрократии, волоките в производстве по охране социалистического имущества от последствий преступных посягательств.

Рассматривая вопросы уголовно-процессуального возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, большинство авторов не находит никакого соприкосновения института гражданского иска ни с добровольным возмещением материального ущерба, ни с реституцией, ни с возмещением материального ущерба судом по своей инициативе без иска. Рассматривая вопросы гражданского иска в уголовном процессе, одни авторы обходят приведенные выше способы возмещения материального ущерба вообще молчанием, другие перечисляют некоторые из них, не вдаваясь в их подробный анализ, третьи уделяют одному или другому способу возмещения большее внимание.⁴ Однако никто из авторов не рассматривает эти способы возмещения в органическом единстве и во взаимосвязи с гражданским иском в уголовном процессе, в объединенном уголовно-процессуальном институте возмещения материального ущерба, причиненного преступлением (или институте охраны имущественных прав лиц, понесших материальный ущерб от преступления).^{*} Мало уделяется также внимания вопросам усовершенствования этих способов возмещения и развитию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство по добровольному возмещению, реституцией и возмещению материального ущерба судом без иска.

---

⁴ См. Власенок В.Г. Теория и практика возмещения материального ущерба при расследовании хищений государственного и общественного имущества. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972, с. 31-35 (Автор рассматривает более подробно вопросы добровольного возмещения ущерба). Зинатуллин З.З. Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба. - Правоведение, 1972, №2, с. 117 и Понарин В.Я. Производство по гражданскому иску при расследовании уголовных дел. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978, с. 26-29. (Авторы рассматривают более подробно вопросы реституции). Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. Изд. 2-е. М., 1977, с. 7, 8, 139. (Автор рассматривает вопросы возмещения материального ущерба судом без иска).

^{*} Поскольку реституция является восстановлением имущественного положения, имевшего место до совершения преступления, то термин "возмещение" в данном производстве не отражает суть действия. Термин "возмещение" можно здесь применить только условно, в самом широком смысле этого слова.

3. Приведенные уголовно-процессуальные средства возмещения материального ущерба взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Первоочередной задачей следователя и лица, производящего дознание при расследовании уголовного дела, является обнаружение похищенного имущества, которое имеет не только доказательственное значение, но и имущественное, поскольку имущественные ценности возвращаются их законным владельцам (статья 63 УПК ЭССР). Если розыск похищенного имущества не даст положительного результата, а также наряду с розыском, следователь обязан принять меры к обеспечению предъявленного или возможного гражданского иска путем наложения ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих материальную ответственность за их действия (статьи 115 ч. I и 146 ч. I УПК ЭССР). В таком случае материальный ущерб будет возмещаться путем удовлетворения гражданского иска в уголовном процессе (статья 269 ч. 2 УПК ЭССР). Если же организацией или прокурором иск не предъявляется, суд, вынося приговор, вправе по своей инициативе без иска разрешить вопрос о возмещении материального ущерба (статья 42 ч. 4 УПК ЭССР). Наряду с приведенными процессуальными возможностями удовлетворения имущественных притязаний лица, понесшего материальный ущерб от преступления, закон предоставляет причинителю ущерба (обвиняемому) возможность добровольно возместить этот ущерб, считая такое возмещение смягчающим ответственность обстоятельством (статья 37 ч. I УК ЭССР). Кроме того, ущерб могут возместить и лица, материально ответственные за вредоносные действия обвиняемого, а также и другие лица. Такое возмещение может иметь место как до возбуждения уголовного дела, так и на всех стадиях уголовного процесса. Добровольное возмещение материального ущерба в полном размере исключает дальнейшее производство по возмещению в любой другой его форме.

Таким образом, возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, представляет собой во всех своих основных формах в совокупности объективно сложившуюся внутри уголовно-процессуального права в виде ее обособленной части группу правовых норм, регулирующую с требуемой детализацией типичное для уголовного процесса общественное отношение и в силу этого приобретающую относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.⁵ Поэтому это пра-

---

⁵ См. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 300.

вовое образование можно рассматривать как сложный институт уголовно-процессуального права.

Представленная законом возможность совместного рассмотрения уголовного дела и гражданского иска (ст. 25 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) стало основанием для возникновения и развития других форм возмещения ущерба в уголовном процессе, которые образовались на основании следственной и судебной практики. Так, например, привлечение лица к уголовной ответственности нередко вызывает со стороны обвиняемого или близких ему лиц положительную ответную реакцию в форме добровольного возмещения материального ущерба, тем более, что уголовный кодекс такую возможность прямо предусматривает (ст. 37 ч. I УК ЭССР). Следственная и судебная практика пошла по этому пути, несмотря на отсутствие соответствующего процессуального порядка. Такое положение оказывается возможным ввиду целостности, системности законодательства. "Регламентируя тот или иной вопрос, каждый отдельный закон действует не сам по себе, а в соответствии с теми классовыми принципами, которые закреплены Конституцией, изданными на ее базе Основами законодательства Союза ССР и союзных республик и другими законами, в тесной связи с иными законами, регулирующими другие стороны тех же или смежных отношений, действует в процессуальных и иных организационных формах, предписанных другими законами, и т.д. ... В действительности закон - элемент законодательства. Только он "понятен" со всех политически и юридически важных сторон, только в ней действует в направлении тех классовых интересов и целей, ради которых издан"⁶.

Только в системе советского законодательства можно объяснить практику добровольного возмещения в уголовном процессе. На основе института гражданского иска в уголовном процессе в соответствии со ст. 37 ч. I п. I УК ЭССР, предусматривающей добровольное возмещение причиненного преступлением ущерба как обстоятельства, смятчающего уголовную ответственность, и ст. 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусматривающей положение о том, что "вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организацией, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред", осуществляется добровольное возме-

---

⁶ Система советского законодательства. /Под ред. Жамощенко И.С. М., 1980, с. 12.

чение материального ущерба в уголовном процессе по настоящее время без какой-либо процессуальной регламентации.

Исходя из ленинского принципа "Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить",⁷ приведенные выше положения закона подтверждают правильность указанной практики добровольного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

4. Следственная и судебная практика свидетельствует о весьма значительной роли добровольного возмещения в общей доле возмещения этого ущерба в уголовном процессе. Хотя добровольное возмещение ущерба до возбуждения уголовного дела (по изученным делам хищения и должностных преступлений) является еще незначительным, оно все же показывает тенденцию роста, а в совокупности с добровольным возмещением после возбуждения уголовного дела в различных стадиях уголовного процесса, имеет весьма ощутимый удельный вес.

В 1977-1979 гг. добровольное возмещение ущерба составляло также немалую долю возмещения. Это подтверждается данными изученных конкретных уголовных дел. По 53 обобщенным уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 93 УК ЭССР, было добровольно возмещено 90 % от всей суммы ущерба, а по 31 обобщенному материалу, по которому было отказано в возбуждении уголовного дела, в 68 % случаев материальный ущерб возмещен добровольно.⁸ Несмотря на весьма большой удельный вес этого вида возмещения, оно не нашло еще должного места ни в уголовно-процессуальном законодательстве, ни в теории советского уголовного процесса.

5. Условия и пределы добровольного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, определяются в соответствии с нормами отрасли социалистического права, регулирующей ответственность за причиненный ущерб.

---

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 189.

⁸ Адоян Ю.Р. Об уголовно-процессуальных средствах охраны социалистического имущества. - Уч. зап. /Тартуский гос. ун-т, вып. 473. Тарту, 1978, с. 26 и сл. См. также Адоян Ю. Об охране государственного и общественного имущества (на эст.яз.). Таллин: Ээсти раамат, 1979, с. 53, 87 и сл.

Статья 13 "Положения о внутриведомственном контроле и ревизиях производственной и финансово-хозяйственной деятельности предприятий, учреждений и организаций Эстонской ССР", утвержденной постановлением № 356 Совета Министров ЭССР от 4.УШ. 1970 г.,⁹ предусматривает возможность добровольного возмещения материального ущерба, выявленного при ревизии финансово-хозяйственной деятельности, ревизуемой организации.

Статья 129 ч. 3 "Кодекса законов о труде Эстонской ССР" предусматривает право рабочего и служащего, причинившего ущерб предприятию, учреждению или организации, возместить ущерб добровольно полностью или частично, а по согласию администрации предприятия, учреждения или организации он может представить равноценное имущество или исправить испорченное. Как уже было сказано выше, уголовно-процессуальное законодательство вообще не предусматривает порядка добровольного возмещения материального ущерба. Ни в статье 35 ч.2 УПК ЭССР (в которой предусмотрен перечень прав обвиняемого), ни в статье 42 УПК (в которой перечисляются различные формы возмещения ущерба), ни в статье 124 УПК (в соответствии с которой предъявляется обвиняемому обвинение и разъясняются его права), ни в статьях 174 и 175 УПК (в части обвинительного заключения) не упоминается возможность возмещения ущерба добровольно. В то же время ГПК ЭССР предусматривает порядок добровольного возмещения ущерба, причиненного преступлением. Приговоры, определения и постановления судов по уголовным делам в части имущественных взысканий исполняются по правилам гражданско-процессуального законодательства (статья 326 п. 2 ГПК). Судебный исполнитель, приступая к исполнению приговора, посылает должнику (осужденному) предложение о добровольном исполнении приговора в срок до пяти дней (статья 344 ч. 1 ГПК ЭССР).

Таким образом, при наличии материально-правовых оснований добровольного возмещения ущерба, причиненного преступлением, и при наличии положения закона о том, что такое возмещение считается обстоятельством, смягчающим ответственность обвиняемого (статья 37 ч. 1 УК ЭССР), отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве положений о порядке добровольного погашения задолженности за ущерб, причиненный пре-

⁹ "Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР 21 августа 1970 г., № 35 (250), с. 316.

ступлением, и о порядке его оформления на стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела не соответствует требованиям принципа законности уголовного судопроизводства. Фактическое возмещение (в пределах примерно 1/3 всей суммы ущерба) можно объяснить внепроцессуальной деятельностью следователя и лица, производящего дознание, которые, руководствуясь общими задачами уголовного процесса и общими положениями уголовного закона, оформляют добровольное возмещение ущерба в уголовном деле каждый по своему усмотрению.¹⁰

Изучение конкретных уголовных дел о хищениях социалистического имущества показывает, что оформление добровольного возмещения материального ущерба происходит: во-первых, в форме к а с с о в ы х к в и т а н ц и й, в которых указывается: а) сумма, которая вносится в счет погашения задолжности (за ущерб, причиненный преступлением), б) сумма без указания того, за что она вносится, в) фамилия лица, ответственного за ущерб, г) фамилия какого-либо другого лица без указания, кем оно является по отношению к обвиняемому; во-вторых, в форме справок администрации предприятия, учреждения или организации, в которых указывается, что конкретное лицо внесло в кассу определенную сумму денег в счет погашения причиненного им ущерба: а) указывается № квитанции, б) № квитанции не указывается, в) не указывается ни № квитанции, ни сумма взноса, г) справка подписывается директором (руководителем, председателем) и главным бухгалтером (старшим бухгалтером) предприятия, д) справка подписывается одним из указанных должностных лиц, е) справка подписывается кем-то, но не известно кем, ж) справка заверяется печатью, з) справка не заверяется печатью; в-третьих, добровольное возмещение ущерба отражается в каком-либо процессуальном документе: а) в протоколе допроса обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, б) в постановлении о

¹⁰ Аналогичное положение имеет место и с реституцией в уголовном процессе, которая также не находит еще прямого отражения в уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на весьма большой удельный вес в практике возмещения ущерба, причиненного преступлением. См. Ю. А. Д о н. Реституция в уголовном процессе..., с. 191-194.

предъявлении обвинения, в) в обвинительном заключении, г) в приговоре.

Имеют место также различные другие комбинации оформления добровольного возмещения, состоящие из приведенных выше реквизитов оформления или каких-либо других. Так, например, руководство Харьбской потребкооперации, направляя материалы органам расследования для возбуждения уголовного дела в отношении заведующего магазином "Лагеди", сообщает, что причиненный кооперативу материальный ущерб полностью возмещен (кем и в какой сумме не указывается).¹¹ Директор и главный бухгалтер совхоза Куртна в письме в адрес прокуратуры г. Кохтла-Ярве сообщают, что у них к С. никаких претензий нет, поскольку сумма совхозу уплачена (какая сумма и за что не указывается).¹² Кроме указанных видов оформления возмещения и невозмещения материального ущерба, обращает на себя внимание формат квитанции (ордера) кассы. По своим размерам они зачастую бывают настолько маленькими, что буквально теряются в прошивочной части объемного уголовного дела и "исчезают" из вида судей, прокурора, и других должностных лиц и участников процесса, знакомившихся с уголовным делом.

Все это говорит о том, что необходимость упорядочения производства по добровольному возмещению материального ущерба имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Потребность в упорядочении уголовно-процессуального законодательства в части добровольного возмещения материального ущерба вытекает из законодательных, теоретических и практических положений. Во-первых, такая потребность вытекает из общеизвестного тезиса К. Маркса о том, что материальное право - имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... Один и тот же дух должен осуществлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона¹³, во-вторых, из задачи улучшения правового регулирования хозяйственной деятельности страны, записанной в решениях XXV съезда КПСС и заключающейся в том, что наши законы должны эффективнее противодействовать имеющимся фактам обмана госу-

¹¹ См. архив народного суда харьбского района за 1968 г.

¹² См. архив народного суда г. Кохтла-Ярве за 1970 г.

¹³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 158-159.

дарства, приписок, хищения социалистической собственности, проявлением местничества и т.д.¹⁴, в-третьих, из положения Конституции СССР об обязанностях граждан бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества и бережно относиться к народному добру (ст. 61); в-четвертых, - из сложившейся судебной практики по уголовным делам о хищениях, по которой борьба за сохранность социалистического имущества расценивается как успешная лишь в случае, когда наряду с применением к виновным лицам мер уголовного наказания и принятием предупредительных мер будет обеспечено полное возмещение материального ущерба, причиненного преступлением.

Исходя из приведенных общих принципов законодательства, надо считать обоснованным требование четкого определения уголовно-процессуального порядка добровольного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Противоречивость или несогласованность между отдельными частями (хотя бы незначительная) действующего законодательства, неясность редакции отдельных правовых предписаний, отсутствие правовых предписаний там, где они должны быть, отрицательно сказывается на действии конкретной правовой системы в целом, порой могут повлечь за собой неразбериху, волокиту, нарушение требований законности и пр.

Так, по обвинению С. в хищении государственного имущества, Военный Трибунал признал ее виновной, удовлетворив гражданский иск частично на сумму 768 рублей, несмотря на то, что к С. был предъявлен иск на сумму 1295 рублей. Из приговора следует, что суд отказал в остальной части иска на том основании, что С., хотя и завышала розничные цены на отпущенные в столовой молочные продукты, но делала это с целью покрытия недостачи, образовавшейся в магазине по ее халатности, и всю денежную сумму, полученную таким путем, "добровольно" обратила на погашение этой недостачи. Военная Коллегия Верховного Суда СССР своим определением приняла по этому иску новое решение, взыскав с С. 1295 рублей, поскольку по делу установлено, что недостача товаро-материальных ценностей в магазине образовалась в результате халатности, допущенной С., т.е. по ее вине. Эта недостача подлежала возмещению за счет

¹⁴ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет I. М., 1976, с. 108.

средств самой С., она же погашала недостачу за счет средств, добытых ею путем хищения.¹⁵ Такого рода "добровольные" возмещения не могут иметь места в уголовном процессе. Они должны быть выявлены уже на стадии предварительного расследования уголовного дела. Четкий порядок производства по возмещению материального ущерба в уголовном процессе предотвратит возможность возмещения ущерба незаконными средствами.

Исходя из общих признаков любого правового института, в том числе и из характеристики уголовно-процессуального института возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, можно сказать, что, будучи подсистемным правовым образованием советского уголовно-процессуального права, этот институт сам выступает в качестве целостной системы по отношению к подсистемам, ее образующим. Из этого следует, что институт отличается от его подинститутов прежде всего объемом предмета регулирования: он регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а лишь различные стороны (признаки, особенности) одного типичного общественного отношения, т.е. не всю совокупность различных форм возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, а лишь одно правоотношение, связанное с добровольным возмещением материального ущерба. Вместе с тем этот институт права, являясь подсистемой уголовно-процессуального права как отрасли права, имеет общую с ней характеристику.

Следовательно, любые институты и подинституты права являются частью соответствующей отрасли права и вследствие этого обладают кроме специфических признаков, им присущих, также теми общими признаками, которые характеризуют отрасль права в целом.¹⁶

Рассматривая добровольное возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, как обособленное подсистемное правовое образование советского уголовно-процессуального права, можно прийти к выводу о том, что это правовое явление, также подчиняясь общим положением советского уголовного процесса и его принципам, в то же время характеризуется специфической добровольностью поведения субъекта этой деятельности.

---

¹⁵ См. "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1964, № I, с. 30-31.

¹⁶ См. Ю. Алоян. Гражданский иск в уголовном процессе как средство охраны социалистического имущества от последствий преступных посягательств. - Уч. зап. / Тартуский гос. ун-т, вып. 364. Тарту, 1975.

Добровольное возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, должно быть прежде всего законным, т.е. строго соответствовать требованиям норм материального и процессуального права. Поскольку нормы УПК прямо не регламентируют порядка добровольного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, дополнение статей 42 ч. I, 124 ч. II, 174 и 175 УПК ЭССР соответствующими положениями является, по нашему мнению, необходимым. Необходимо ст. 42, ч. I, УПК дополнить словами: "если материальный ущерб не был возмещен обвиняемым или другими лицами добровольно". Редакцию статьи 124 ч. 2 необходимо дополнить словами: "Если обвиняемым был причинен преступлением материальный ущерб, ему разъясняется право добровольного возмещения ущерба, что является обстоятельством, смягчающим его ответственность". В перечне обстоятельств, излагаемых в обвинительном заключении и в справке к обвинительному заключению, необходимо указать факт добровольного возмещения ущерба (ст. 174, ч. 3 и 175, ч. I, п. 6).

Добровольное возмещение ущерба должно быть согласовано с принципом публичности (официальности) процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, уполномоченных вести борьбу с преступностью. Из этого требования вытекает, что следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд обязаны объявить обвиняемому (подсудимому) о положительных последствиях добровольного возмещения материального ущерба причиненного им, отобрать у него подписку на постановление о предъявлении обвинения и всячески способствовать добровольному возмещению ущерба на стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

Исходя из принципа равенства всех граждан перед законом и судом добровольное возмещение материального ущерба должно оцениваться судом не только с позиции фактически внесенной суммы денег в счет погашения задолженности за ущерб, но также исходя из добросовестности должника, его реальной возможности возместить ущерб.

Добровольное возмещение материального ущерба должно способствовать реализации прав обвиняемого на защиту. Добровольное возмещение ущерба должно оцениваться как обстоятельство, смягчающее уголовную ответствен-

ность за преступления, а не как отягчающее эту ответственность. Поэтому один лишь факт добровольного возмещения ущерба, причиненного недостатчей, не может рассматриваться как бесспорное доказательство хищения.¹⁷ Потерпевшая от преступления организация не имеет права сумму, вносимую обвиняемым в счет возмещения ущерба, зачислять в сумму погашения обвиняемым какой-либо другой задолженности. Вносимая обвиняемым сумма денег должна быть соответственно оформлена документом кассы, из которого усматривались бы все данные, подтверждающие возмещение причиненного преступлением материального ущерба. Это обстоятельство должно быть зафиксировано в обвинительном заключении и приговоре суда. При вынесении приговора суд в соответствии со статьей 37 ч. I п. I УК ЭССР (статья 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) обязан учитывать, что добровольное возмещение ущерба виновным лицом является обстоятельством, смягчающим ответственность. При разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким суд наряду с другими обстоятельствами, свидетельствующими об исправлении осужденного, должен принимать во внимание добровольное возмещение причиненного им ущерба в период отбытия наказания.¹⁸

Добровольное возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, должно также способствовать полному всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств преступления. В уголовном деле должны быть выяснены обстоятельства, характеризующие добровольность возмещения, законность возмещения, возмещение законно добытыми средствами и т.п. Такие обстоятельства должны быть отражены в соответствующих процессуальных документах (в протоколах допроса, осмотра вещественных доказательств, добровольно возвращаемых обвиняемым и др.).

Добровольное возмещение обвиняемым материального ущерба должно найти широкое применение в следственной и судебной практике, оно имеет огромное значение не только как средство возмещения ущерба, но и как средство воспитания граждан.

¹⁷ "Судебная практика Верховного Суда СССР", 1956, № I, стр. 26.

¹⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973, М., 1974, стр. 631.

НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДОКАЗЫВАНИЕМ И КВАЛИФИКАЦИЕЙ
ПРОДОЛЖАЕМЫХ И ПОВТОРНЫХ ХИЩЕНИЙ

Я.Я. Соотак
кандидат юридических наук

Взаимоотношения между видами хищения и такими случаями, когда хищение складывается из многих (не менее двух) эпизодов, относится к числу проблем, которые до сих пор не нашли еще единого решения как в теории, так и в судебной практике.

Основной исходный вопрос заключается в том, что должно быть в таких случаях учтено в первую очередь: стоимость похищенного или признаки продолжаемого хищения.

Если отдать предпочтение размеру похищенного, то в случае совершения хищения в общей сумме более 50 рублей преступление всегда должно быть квалифицировано, например, по ст. 88, ч. I, УК ЭССР, независимо от того, связаны отдельные эпизоды единым умыслом или нет. В противном случае виновный может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 88, ч. I, УК ЭССР только при наличии признаков продолжаемого хищения.

В литературе этот вопрос решается по-разному. Например, Г.А. Кригер утверждает, что по сравнению с размером похищенного повторность имеет второстепенное значение, этот признак должен учитываться тогда, когда определена общественная опасность хищения по основному критерию - размеру похищенного^I.

При этом автор по-разному трактует понятие продолжаемости для разных видов хищения. Например, по его мнению, признаками продолжаемого хищения, слагающегося из систематических или неоднократных мелких хищений, являются: направленность умысла виновного на похищение значительных или крупных сумм или ценностей, похищение из одного источника, совершение хищения одним и тем же способом, небольшой промежуток во времени между отдельными эпизодами. Свою позицию Г.А. Кригер

^I Г.А. Кригер. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974, с. 207.

аргументирует ссылкой на п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г.²

Однако действующее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. "О судебной практике по делам о хищениях" подобного различия не проводит. В этом постановлении дано следующее общее определение продолжаемого хищения: "Объяснить, что продолжаемым хищением считается неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, имеющих общую цель незаконного завладения государственным или общественным имуществом, которые охватываются единым умыслом виновного и составляют в своей совокупности одно преступление"³.

Это определение не содержит таких признаков продолжаемого хищения, как один источник и небольшой промежуток времени. Более того, относительно единого источника в постановлении имеется следующая оговорка: "Хищение должно признаваться повторным независимо от того, изымалось ли имущество из одного или разных источников, за исключением случаев, когда совершенные деяния могут рассматриваться как продолжаемое преступление"⁴. Применяя принцип *a contrario*, можно утверждать, что для продолжаемого хищения не является обязательным наличие такого признака как единый источник.

Исходя из этого нельзя согласиться с точкой зрения Г.А. Кригера в отношении определения продолжаемого хищения в общей сложности более 2500 рублей (в крупных размерах). По его мнению, продолжаемое хищение в таком случае складывается из следующих признаков: умысел в обогащении в крупных размерах путем неоднократных хищений; между отдельными изъятиями имущества не должно быть слишком большого разрыва во времени⁵. Более правильной представляется позиция А.А. Пинаева по этому вопросу. Он пишет, что все виды хищения имеют одинаковую характеристику, за исключением размера причиненного ущерба⁶.

² Г.А. Кригер. Указ. соч., с. 207.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. Часть 2. М., 1978, с. 157.

⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. Ч. 2. М., 1978, с. 157.

⁵ Г.А. Кригер. Указ. соч., с. 212.

⁶ А.А. Пинаев. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975, с. 109.

Далее А.А. Пинаев приходит к заключению, что главным признаком общественной опасности хищения является размер ущерба, причиненного социалистической собственности, однако законодатель исходит из форм хищения и такого квалифицирующего признака, как повторность, а не размер ущерба⁷. Для решения он предлагает два выхода. Во-первых, предложение de lege ferenda создать закон, который бы допускал суммирование ущерба, причиненного рядом повторных хищений. Во-вторых, дифференцированное применение понятия продолжаемого хищения к действующему законодательству, а именно: несколько хищений должны квалифицироваться как повторное только в случае, если причиненный ими ущерб в сумме не образует более тяжкого вида посягательства. Это правило не может быть распространено на такие повторные хищения, которые совершены в различных формах⁸. При этом А.А. Пинаев, на наш взгляд, совершенно обоснованно дает довольно широкое толкование понятия единого умысла при продолжаемом хищении. Достаточно, чтобы виновный осознал, что он причиняет все больший материальный ущерб, что хищение из мелкого перерастает в значительное, затем в крупное и т.д.⁹

В.С. Устинов указывает на большие практические трудности в отграничении повторного хищения от продолжаемого. Он считает возможным поставить вопрос об исключении из ст. 92 УК РСФСР (ст. 93 УК ЭССР, т.е. хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением) признака повторности¹⁰.

Итак, отграничение продолжаемого хищения от повторного вызывает трудности в практике, этот вопрос не решен единообразно и в уголовно-правовой литературе. Неполное решение данной проблемы содержится и в вышеуказанном постановлении пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г., где дано понятие продолжаемого хищения, но не решен вопрос о применении этой категории относительно конкретных видов хищения. Такая ситуация выдвигает необходимость всестороннего решения рассматриваемого вопроса в руководящих разъяснениях пленума Верховного Суда СССР.

⁷ А.А. Пинаев. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975, с. 96, 107.

⁸ А.А. Пинаев. Указ. соч., с. 109, 118.

⁹ Там же, с. 114-115.

¹⁰ В.С. Устинов. Признаки хищения и их оценка аппаратами ВХСС. Горький, 1979, с. 87.

Однако автору настоящей статьи представляется, что окончательное решение вопроса разграничения повторных и продолжаемых хищений невозможно без учета еще одного обстоятельства, связанного с нормами уголовного процесса. Речь идет о связи продолжаемого и повторного хищения с обязанностью доказывания в советском уголовном процессе. В судебно-следственной практике этот вопрос имеет немаловажное значение, в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной литературе он не разработан.

Согласно ст. 19, ч. 2, УПК ЭССР, суд, прокурор и лицо, проводившее дознание, не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого. Освобождение обвиняемого от обязанности доказывания и возложение этой обязанности на орган расследования, прокурора, суда является одним из важнейших условий полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела^{II}. Обвиняемому можно инкриминировать только то, что доказано следователем, судом и т.д. Следовательно, обвиняемый не должен доказывать отсутствиеотягчающего обстоятельства. Презумпция невиновности предполагает и презумпцию отсутствияотягчающего ответственности обстоятельства.

Все это должно быть учтено при конструировании уголовного закона - в случае недоказыванияотягчающего ответственности обстоятельства ответственность должна снижаться. С таких позиций должно исходить и толкование закона.

Ниже мы рассмотрим этот вопрос с точки зрения продолжаемых и повторных хищений, исходя при этом из видов хищения, т.е. из стоимости похищенного.

1) Мелкое хищение. Если виновный имеет судимость за мелкое хищение или имеется дело с лицом, ранее совершившим имущественное преступление, предусмотренное ст. 88, ч. 2, п. 2, УК ЭССР, то виновный привлекается к уголовной ответственности по ст. 94, ч. 2, УК ЭССР. Если же виновный не отвечает условиям, предусмотренным субъекту ст. 94, ч. 2, УК ЭССР, то он может согласно ст. 94, ч. 1, УК ЭССР быть привлечен к уголовной ответственности, если имеется *praejudicium* виновный в течение года должен быть привлечен к административной ответственности за мелкое хищение.

Допустим, что совершено три эпизода, причем размер похищенного в каждом случае 20 рублей. Как уже сказано, виновный

---

^{II} Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. М., 1970, ст. 20, комм. 8.

может быть привлечен к уголовной ответственности только в том случае, если он наказан в течение года в административном порядке (при условии, конечно, что он не является субъектом для ст. 94, ч. 2, УК ЭССР). Если же он в течение года к административной ответственности не привлекался, имеется две возможности: а) привлечь виновного к ответственности в административном порядке; б) привлечь его к уголовной ответственности по ст. 88, ч. 1, УК ЭССР (допустим, что хищение совершено путем кражи) за продолжаемое хищение в небольших размерах.

Из этих двух вариантов более тяжелое привлечение виновного к уголовной ответственности. Следовательно, необходимо доказать признаки продолжаемого преступления (чтобы инкриминировать ему одно продолжаемое хищение на сумму 60 рублей). Если это доказать не удастся, то уголовная ответственность исключается и виновный может быть привлечен к административной ответственности.

Конструкция закона, с точки зрения продолжаемого и повторного хищения, соответствует градации ответственности.

2) Хищение в значительных размерах. Если исходить из текста закона, то дело кажется простым. В случае продолжаемого хищения виновный отвечает по ст. 88, ч. 1, УК ЭССР. Если же признаки продолжаемого хищения отсутствуют, то налицо повторное хищение и содеянное квалифицируется по ст. 88, ч. 2, п. 2, УК ЭССР.

Однако градация отягчающих ответственность обстоятельств в данном случае не находится в соответствии с понятиями продолжаемого и повторного хищения. Повторность является согласно ст. 88, ч. 2, п. 2, УК ЭССР отягчающим ответственность обстоятельством и поэтому она должна быть доказана следователем (судом, прокурором). Но реальность такова, что два или более эпизода хищения всегда составляют повторное хищение и кроме наличия этих эпизодов нечего доказывать. Продолжаемое хищение зато предполагает, что, кроме самих эпизодов, необходимо доказать еще и единый умысел (разумеется, в случае совершения всех эпизодов путем тождественных преступных действий, т.е. в одной и той же форме). Иными словами, при повторных хищениях надо доказывать только эпизоды сами, при продолжаемом хищении необходимо кроме этого доказывать еще и субъективную связь между этими эпизодами. Совершенно ясно, что в последнем случае предмет доказывания становится более объемным.

Допустим, что имеется дело с тремя эпизодами хищения, каждый на сумму 100 рублей. Следовательно ограничивается только доказыванием этих эпизодов, не обращая внимание на существование или отсутствие единого умысла. Возможно, что единого умысла просто не удалось доказать. В таком случае получается, что преступление придется квалифицировать по ст. 88, ч. 2, п. 2, УК ЭССР. Для облегчения своего положения виновному необходимо доказать признаки продолжаемого хищения. Или, иными словами, из-за недоказанности определенного обстоятельства положение виновного фактически ухудшается. Таким образом, обязанность доказывания переходит к обвиняемому, а это прямо противоречит требованиям ст. 19, ч. 2, УПК ЭССР.

При данном виде хищения связь между обязанностью доказывания и повторными-продолжаемыми хищениями является обратно пропорциональной. Конструкция уголовного закона противоречит требованиям нормы уголовного процесса, последнее же прямо выражает один из важнейших демократических принципов уголовного процесса.

3) Хищение в крупных размерах. Обязанность доказывания при этом виде хищения находится в соответствии с градацией ~~отягчающих~~ ответственность обстоятельств. Следовательно (суд, прокурор) должен доказать, что отдельные эпизоды (например, три эпизода хищения, каждый на сумму по 1000 рублей) связаны единым умыслом. В таком случае налицо продолжаемое хищение и виновный отвечает по ст. 88, ч. 3, УК ЭССР. Если же единый умысел не будет доказан, то виновный будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 88, ч. 2, п. 2, УК ЭССР за повторное хищение. Связь между обязанностью доказывания и повторными-продолжаемыми хищениями является пропорциональной.

4) Хищение в особо крупных размерах. Преступление квалифицируется всегда по ст. 93¹ УК ЭССР, независимо от того, имеется дело с продолжаемым или повторным хищением.

В итоге можно сказать, что трудности возникают не только в связи с определением понятия продолжаемого хищения, но и с применением такого основополагающего принципа уголовного судопроизводства, как недопустимость переложения обязанности доказывания обвиняемого.

Выше указывалось на предложения для более удачного толкования закона, а также на предложения. Не-
обходимость изменения закона или по меньшей мере новых руководящих разъяснений по рассматриваемому вопросу очевидна. Это содействовало бы развитию закона и законности в духе новой конституции СССР.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СООТНОШЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Э.М. Кергандберг
ассистент

Проблемами, связанными с доказыванием как центральным институтом советского уголовного процесса, занимались многие процессуалисты.

Трудно перечислить все многочисленные исследования, последних десяти лет. Но несмотря на многие содержательные исследования в данной области уголовно-процессуальной науки, следует все же отметить, что сущность доказывания понимается по-разному.

Мы считаем целесообразным начать рассмотрение доказывания с анализа человеческой деятельности как таковой в философском плане, затем приступить к исследованию уголовно-процессуальной деятельности как одной из подсистем человеческой деятельности и, наконец, рассматривать доказывание как подсистему уголовно-процессуальной деятельности.

Человеческая деятельность явление чрезвычайно сложное. Она может быть рассмотрена с разных точек зрения.

При рассмотрении человеческой деятельности в уголовном процессе интерес представляют в первую очередь (в отличие от уголовно-правового и криминологического аспектов) возможности оптимизации человеческого поведения^I. На первом уровне анализа человеческой деятельности, по мнению М.С. Когана, следует исходить из общей концепции соотношения субъекта-объекта, причем в качестве основной характеристики этого уровня приводится лишь известная активность со стороны субъекта

^I Человеческая деятельность в уголовно-правовом или в криминалистическом аспектах - это прежде всего действия преступника и поэтому здесь не уместно говорить о какой-либо оптимизации. В то же время уголовно-процессуальная деятельность - это главным образом действия следователя, прокурора и т.д. и оптимизация действий этих лиц в рамках уголовного процесса чрезвычайно важна. Но в уголовно-процессуальном аспекте можно говорить и о требованиях оптимизировать действия преступника (например, при даче показаний).

екта². При дальнейшем анализе мы видим, что эта активность в реальных действиях может быть направлена как на объект, так и на субъект (на какой-то другой субъект и на самого себя). С другой стороны, эта активность сама может иметь практический характер и затрагивать реальную сущность тех предметов, явлений и т.д., на которые она направлена, или иметь духовный, отражающий характер. В последнем случае реальный предмет не затрагивается, с ним проводят лишь идеальные операции.³ Учитывая вышеизложенное, М.С. Коган говорит о следующих формах человеческой деятельности:⁴

1. Практическо-преобразовательная деятельность, которая направлена на объект, в том числе и на какой-то субъект как объект.

2. Практическая деятельность, которая направлена на другой субъект. Эта коммуникативная деятельность.

3. Познавательная деятельность.

4. Оценочная деятельность.

Ни один конкретный вид человеческой деятельности не поместится лишь в одну из приведенных четырех форм человеческой деятельности, но в связи с каждым видом деятельности мы можем говорить о доминирующей роли одной из указанных форм.

Как мы отметили, уголовно-процессуальная деятельность выступает по отношению к деятельности как целого в виде подсистемы, поэтому и тут применима приведенная выше классификация форм человеческой деятельности. Так, например, фиксация следов путем изготовления их копий, исследование вещественных доказательств, производство экспертиз, а также и многие другие виды уголовно-процессуальной деятельности имеют практическо-преобразовательный характер. Одной из важнейших задач советского уголовного процесса является перевоспитание не только преступника, но и воспитание более широкой общест-венности в духе уважения социалистической законности. И здесь налицо черты практическо-преобразовательной деятельности.

Чрезвычайно важную роль в уголовном процессе играет ком-

---

² М.С. Коган. Опыт системного анализа человеческой деятельности. - Философские науки, 1970, № 5, с. 44.

³ Там же, с. 45.

⁴ Там же.

муникативная деятельность, так как часто именно от умения общаться зависит успешность выполнения задач уголовного процесса.

Роль познавательной деятельности в уголовном процессе трудно переоценить, так как между результатом познавательной деятельности и целью уголовного процесса имеется непосредственная причинная связь⁵. Имея в виду основные задачи данной статьи, мы в дальнейшем подробнее остановимся именно на особенностях познавательной деятельности в рамках уголовного процесса.

Познавательная деятельность в уголовном процессе подчинена общим закономерностям познания, но она имеет и ряд специфических черт, важнейшими из которых Г.М.Миньковский считает следующие:

- а) ... ограничено определенным сроком...
- б) сочетает познавательную и удостоверительную задачи,
- в) осуществляется в условиях, когда исследователю противостоит субъект, заинтересованный в сокрытии истины,
- г) направлена на единственный по своему существу предмет, что усложняет применение таких приемов исследования, как типизация, обобщение,
- д) обязательно совершается принятием решения, имеющего

---

⁵ Вопрос о цели уголовного процесса по-разному трактовался в науке советского уголовного процесса. Так, например, согласно мнению М.С. Строговича, целью уголовного процесса является достижение истины в данном уголовном деле. - См. М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М.; изд. АН СССР, Ин.-т гос. и права, 1968, с. 40.

Системно и, по нашему мнению, верно, решен вопрос В.Д. Арсеньевым, который видит цель уголовного процесса (уголовно-процессуальной деятельности - Э.К.) в реализации норм материального права в случае их нарушения, в то же время достижение истины рассматривается В.Д. Арсеньевым, с одной стороны, как цель происходящего в рамках уголовного процесса познавательной деятельности (В.Д. Арсеньев отождествляет познавательную деятельность и доказывание - Э.К.), с другой стороны, достижение истины является условием эффективности реализации норм материального права. От цели В.Д. Арсеньев считает необходимым отличать задачу доказывания, как обязанность соответствующих лиц принимать все меры для всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела. - См. В.Д. Арсеньев. Истина, достоверность и обоснованность в судебном исследовании по уголовным делам. - Вопросы теории судебной экспертизы. - Сб. научн. трудов ВНИИСЭ. М., 1979, с. 4-16.

существенные правовые последствия..."⁶

Неразрывная связь познания и уголовно-процессуального доказывания не отрицается ни одним из советских процессуалистов, но понимается эта связь по-разному. В дореволюционной литературе специфика уголовно-процессуальной деятельности как процесса познания часто выяснялась посредством противопоставления этой деятельности научному исследованию.⁷

Как справедливо отмечает И.М. Лузгин, такое противопоставление принижает познавательные возможности уголовного процесса.⁸ И тем не менее нельзя отрицать существенного различия между научным познанием и познанием в рамках уголовного процесса.

В большинстве случаев анализ соотношения доказывания и познания советскими процессуалистами начинается с расчленения познания на какой-то конкретной основе на две части, причем одни из исследователей сводят доказывание к одной из составных его частей, а другие рассматривают доказывание как совокупность его составных частей. При расчленении процесса познания часто не учитываются современные выводы марксистской гносеологии. Так, например, А.Р. Ратинов пишет: "Как известно, всякое познание, в том числе в уголовном судопроизводстве, осуществляется чувственным, эмпирическим (непосредственным) и рациональным, логическим (опосредствованным) путем..."⁹ В современной марксистской гносеологии, действительно, различают следующие пары категорий: чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное и т.д.¹⁰ Но ни в коем случае нельзя согласиться с отождествлением, с одной стороны, чувственного и эмпирического, а с другой, - рационального и теоретического. Если в связи с любой формой человеческого познания, в том числе и в

⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе. (Отв. редактор Н.В. Жогин). М., Изд. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. 1973, с. 4.

⁷ См., например, Л.Е. Владимиров. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910, с. 10.

⁸ И.М. Лузгин, Расследование как процесс познания. (Учебное пособие). М., 1969, с. 9.

⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 291.

¹⁰ См., напр., Основы марксистско-ленинской философии. Изд. четвертое, переработанное. М., Политиздат, 1976, с. 156.

связи с познанием в уголовном процессе, мы можем говорить об единстве чувственного и рационального отражения действительности, то другие вышеуказанные пары категорий отражают "различные уровни, качественно своеобразные ступени знания, различающиеся между собой по полноте, глубине и всесторонности охвата объекта, по способу достижения основного содержания знания, по форме своего выражения."¹¹ Итак, в реальных процессах познания можно говорить отдельно об эмпирическом и теоретическом уровнях, а также об абстрактном и конкретном уровнях познания, но нет оснований говорить отдельно о чувственном и рациональном познании.

Интересная трактовка познания и уголовно-процессуального доказывания предложена И.М. Лузгиным, согласно которой не следует применительно к познанию в уголовном процессе применять категорий "эмпирическая" и "теоретическая", потому что любое знание, полученное в процессе предварительного расследования, является эмпирическим знанием, теоретические обобщения же вообще не имеют места в уголовном процессе.¹² Поэтому И.М. Лузгин считает правильным различать на предварительном расследовании следующие уровни познания:

I. Непосредственное познание¹³,

¹¹ Основы марксистско-ленинской философии, с. 159.

¹² И.М. Лузгин. Указ. статья, с. 54.

¹³ Вопрос о возможности непосредственного познания в уголовном процессе по-разному решался советскими процессуалистами. Так, например, М.М. Гродзинский и П.А. Лупинская утверждали, что так как преступление является событием прошлого, нет оснований говорить о непосредственном познании в пределах уголовного процесса. - См. М.М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. - Уч. труды ВЮИ, 1944, вып. 7, М., с. 3, П.А. Лупинская. О понятии судебного доказывания. - Уч. зап. ВЮИ, 1958, вып. 7, М., с. 98-113. Утверждая, что в принципе непосредственное познание в уголовном процессе возможно, И.М. Лузгин, по нашему мнению, верно пишет, что данный вопрос необходимо решать конкретно в отношении отдельных стадий уголовного процесса. "То что может быть непосредственно усмотрено и познано следователем, например обстановка на месте аварии, уже не может быть воспринято (непосредственно-З.К.) судом." - И.М. Лузгин. Указ. статья, с. 67. Но из сказанного нельзя делать вывода о том, что следователем познаются все обстоятельства непосредственно, а судом опосредствованно. Так, например, непосредственному познанию следователя не поддаются элементы субъективной стороны преступления, а также, например, причинная связь, не говоря уже о том, что следователь не может расследовать уголовное дело, если он непосредственно наблюдал за фактом преступления.

2. Опосредствованное познание.

Обосновывая эту классификацию, И.М. Лузгин приводит следующий пример: "Нет нужды доказывать, что следователь видит телесные повреждения. Этот факт усматривается непосредственно и должен быть зафиксирован. Доказыванию подлежат обстоятельства, при которых образовалось это повреждение, то, что непосредственно нельзя усмотреть. Опосредствованное знание всегда опирается на доказательства, установленные непосредственно или возведенные путем умозаключений."¹⁴ Но И.М. Лузгин не является последовательным. Если из вышеприведенного высказывания И.М. Лузгина следует, что доказывание и опосредствованное познание являются тождественными понятиями, то при дальнейшем анализе эта точка зрения подвергается существенным изменениям. И.М. Лузгин пишет: "...доказывание, являясь единством непосредственного и опосредствованного (подчеркнуто нами -- Э.К.) в познании, в то же время представляет собой с формально-логической стороны установление истинности или неистинности определенного тезиса (суждения) посредством аргументов (доказательств). Этот процесс опирается на практическую деятельность следователя по собиранию и изучению доказательств, но его содержанием являются мысленные операции с понятиями и суждениями, отображающими конкретные факты."¹⁵ В итоге можно сказать, что хотя И.М. Лузгин по существу считает доказыванием лишь определенные мысленные операции, он все же охватывает понятием доказывания и практическую деятельность по собиранию и проверке доказательств, так как по его мнению, в противном случае слишком выдвигается на передний план значение внутреннего убеждения.¹⁶ Уголовно-процессуальное доказывание и мысленные операции последовательно отождествляются, например, А.И. Трусовым. К такому выводу А.И. Трусов приходит не в результате отождествления определенных уровней познания и доказывания, а вследствие сведения уголовно-процессуального доказывания к логическому доказыванию.¹⁷ А.И. Трусов пишет, что, хотя и судебное

¹⁴ И.М. Лузгин. Указ. статья, с. 55.

¹⁵ И.М. Лузгин. Указ. статья, с. 87.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Логика оперирует понятием доказательств, а не доказывания. То, что в уголовном процессе именуется доказательством, в логике носит название аргумент. - "Философская энциклопедия", т. 2. М., 1962, с. 42-48.

доказывание оперирует, в отличие от логики, не только мыслями, но в первую очередь фактами, это все же не отличает уголовно-процессуальное доказывание от логического, ибо этот процесс оперирования принимает в нашей голове форму логического мыслительного процесса.¹⁸

Другой крайностью является резкое противопоставление логического доказательства процессуальному доказыванию. Тем самым умственные процессы выводятся за пределы процессуального доказывания. Обосновывая свою позицию, сторонники этой концепции утверждают, что мышление, в отличие от доказывания, регулируется не правовыми нормами, а объективными закономерностями. Последние, якобы, не могут быть объектом правового регулирования.¹⁹ В целях избежания противоречий, сторонники данной концепции исключают оценку доказательств из процессуального доказывания.

Наиболее содержательный анализ вопроса о связи познания и доказывания дан, по нашему мнению, А.Р. Ратиновым. Он утверждает, что для того, "...чтобы увидеть несовпадение между указанными понятиями, нужно обратиться к характеру достигаемых при этом знаний. В сущности рассматриваемый вопрос является производным от вопроса, что такое истинность и достоверность, в чем различаются и в чем именно истинное и достоверное знание."²⁰ А.Р. Ратинов обоснованно опровергает мнение М.С. Строговича, согласно которому понятие истинность и понятие достоверность являются понятиями идентичными.²¹ А.Р. Ратинов пишет: "Можно познавать и быть обладателем истинного знания "для себя", не заботясь о передаче и использовании этого знания, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, т.е. сделать его достоверным для всех. Однако общественная практика во многих случаях требует надлежаще удостоверенного знания. В процессуальной же деятельности на-

¹⁸ А.И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960, с. 83.

¹⁹ См., например, С.Д. Курьев. Доказывание и его место в процессе судебного познания. - Труды / Иркутский ун.-т, 1955, т. 13, с. 57.

²⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе. /Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: изд. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973, с. 287.

²¹ М.С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 99-100.

личие оснований, аргументов, доводов, подтверждающих и позволяющих проверить правильность наших знаний и выводов, является обязательным правилом.²² Со сказанным следует полностью согласиться. Но в дальнейшем специфику доказывания - удостоверительную деятельность, правильно отмеченную А.Р.Ратиновым, он оттесняет на задний план, сводит эту удостоверительную деятельность к процессуальному оформлению итогов расследования.²³ Стало быть, отличая доказывание от познания, А.Р.Ратинов правильно исходит из их существенно различных конечных результатов, он с полным основанием указывает на достоверное знание как на конечный результат и в то же время как на важнейший признак доказывания, но содержание этого признака не раскрывает с достаточной полнотой. Более того - этот признак вообще отсутствует в его итоговой дефиниции соотношения познания и доказывания.²⁴

Не имея возможности продолжить анализ без некоторого рассмотрения вопросов, связанных с категорией достоверность, отметим, что категория достоверность рассматривается в марксистской философии вместе с такими категориями как истинность и правильность при исследовании различных аспектов истины как центральной категории гносеологии. Необходимость пользоваться всеми этими тремя категориями комплексно для выявления сущности истины вызывается пониманием истины как единства объективного и субъективного.²⁵

Г.А. Курсанов указывает, что "в понимании достоверности можно отметить две различные тенденции: рассмотрение ее с позиций убежденности субъекта в истинности тех или иных положений и рассмотрение этой категории как выражения некоторого объективного момента их истинности."²⁶ Г.А. Курсанов относится отрицательно к первой тенденции и считает необходимым рассматривать достоверность со строго объективной стороны, но тем самым напрашивается вывод об отождествлении достовер-

²² Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 287.

²³ Там же, с. 289.

²⁴ Там же, с. 298.

²⁵ Такое определение истины дано, например, Г.А. Курсановым, - Г.А. Курсанов. Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М.: Мысль, 1977, с. 48.

²⁶ Г.А. Курсанов. Ленинская теория истины, с. 58.

ности и истинности. Во избежание такого вывода Г.А. Курсанов пишет: "Тем не менее в понятии достоверности присутствует один отличный момент: истинность суждений здесь выступает в качестве и в форме ее высказывания субъектом... (подчеркнуто нами - Э.К.) Истинность суждений в форме достоверности высказана, как таковая, субъектом на основе проверки и доказательства практикой и наукой, что уже снимает момент субъективности как произвольности."²⁷

Но субъективность - это не только произвольность и собственно то, что Г.А. Курсанов считает специфической чертой достоверности, по существу является именно субъективным моментом, хотя и не субъективным моментом в смысле произвольности. Следует еще раз подчеркнуть, что если совершенно обоснованно невключение такой субъективности в содержание достоверности, сила истины которой, по словам Гегеля, заключается "... в непосредственности моего видения, слышания и т.д."²⁸, то именно известная субъективность является обстоятельством, характеризующим достоверность. Если при определении понятия истины мы можем говорить о субъективности картины мира, возникающей в результате отображения объективной действительности, то субъективность, входящая в понятие достоверности, - это что-то дополнительное к субъективности картины мира. Причем достоверность какого-то суждения не состоит только в качестве и в форме ее высказывания субъектом, как это было показано Г.А. Курсановым. Субъективность достоверности состоит в том, что достоверность направлена на конкретный субъект. В связи с этим Ю.К. Орлов отметил: "...достоверность всегда предполагает определенного субъекта, которому адресуется обоснование, и поэтому помимо объективного содержания включает в себя и некоторый субъективный момент. В самом деле, знание, которое является достоверным для одного субъекта (например, для свидетеля-очевидца), может оказаться недостаточно доказанным для другого (например, для суда)."²⁹

Соглашаясь в принципе со сказанным, нельзя не заметить, что пример, приведенный Ю.К. Орловым, не является совсем

---

²⁷ Там же, с. 59.

²⁸ Гегель. Соч., т. 4, с. 54.

²⁹ Ю.К. Орлов. О соотношении и содержании категорий истины и достоверности в судебном доказывании. - В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 25. М., 1976, с. 129.

удачным. Так, по нашему мнению, нельзя одновременно в связи со свидетелем и с судьей говорить о достоверности на равных уровнях. Если предшествующее судебному приговору достоверное знание судьи (суда) является результатом доказывания и тем самым всестороннего подхода к факту преступления, то знание свидетеля-очевидца — это так называемая истина факта, и по отношению к ней нет оснований говорить о достоверности, так как истина факта, являясь объективным отражением мира, в то же время есть отражение очень фрагментарное, не учитывающее многих связей. На основе лишь истин факта нельзя делать выводов о преступлении как сложном общественном явлении.

Кто же может быть этим конкретным субъектом, кому адресуются обоснования какого-то тезиса, кому доказывают?

Известный советский психолог П.П. Блонский показал, что доказывают тому, с чей стороны добиваются признания какого-то тезиса истинным, а не непременно тому, с кем спорят.³⁰ В рамках уголовного процесса следователь может что-то доказывать прокурору, прокурор защитнику и т.д., но с точки зрения достижения цели уголовного процесса имеет значение лишь доказывание суду. Суд же в свою очередь, в отличие от других субъектов доказывания, доказывает государству, причем если о результатах доказывания судом мы можем говорить как о вполне достоверных, то результаты доказывания другими субъектами остаются на уровне практической достоверности. Вполне достоверное знание характеризуется доказанностью невозможности противоположных положений. При практически достоверном знании, хотя и не обнаружен противоположный вариант, однако его невозможность все-таки не доказана.³¹

Полная достоверность означает прежде всего, что обстоятельства уголовного дела исследованы всесторонне, полно и объективно. На первый взгляд кажется, что понятие всестороннего, полного и объективного исследования, которым пользуется ст. 19, ч. 1, УПК ЭССР, ясно. Однако вопрос осложняется, если спрашивать, результатом процессуальной деятельности каких субъектов обстоятельства уголовного дела должны быть

³⁰ П.П. Блонский. Психология доказывания и ее особенности у детей. — Вопросы психологии, 1964, № 3, с. 42.

³¹ На необходимость различать в уголовном процессе полную и практическую достоверность, обратил внимание В.Д. Арсеньев. — См. В.Д. Арсеньев. Истина, достоверность и обоснованность в судебном исследовании по уголовным делам. — Сб. науч. трудов ВНИИСЭ, 1979, Вопросы теории судебной экспертизы. М., с. 28.

всесторонне, полно и объективно исследованы.

Текстуальный и логический анализ ст. 19 УПК позволяет утверждать, что на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, возложена, в первую очередь, не обязанность всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела, а обязанность обеспечить их всестороннее, полное и объективное исследование.

Разумеется, в первую очередь, они сами должны сделать все возможное в целях всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела, но они, кроме того, обязаны оказывать защитнику максимальное содействие при выполнении последним своих обязанностей в соответствии со ст. 37 УПК ЭССР. Если полагать, что и эта точка зрения является традиционной, что в ст. 19, ч. 1, УПК ЭССР приведен исчерпывающий перечень субъектов всестороннего, полного и объективного исследования, то остается неясным, чем должен заниматься защитник в ходе исследования обстоятельств уголовного дела, если оно и без его участия исследуется всесторонне.

Если рассматривать ст. 19 и 37 УПК ЭССР как логическое целое, то напрашивается вывод о том, что закон относит защитника к субъектам всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств уголовного дела. То, почему суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не могут без участия защитника исследовать обстоятельства уголовного дела всесторонне, объясняется некоторыми психологическими закономерностями познавательной деятельности, которые учтены уголовно-процессуальным законом. Более подробный анализ этих закономерностей не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что нельзя игнорировать наличия определенных профессиональных установок у субъектов процессуальной деятельности. Например, если следователь даже пытается всесторонне и объективно подходить к исследованию уголовного дела, он все же вряд ли сможет полностью устранить известную односторонность, связанную с его профессиональной установкой. Более того, если такое устранение и было бы возможным, то это в значительной мере снижало бы активность следователя и в итоге не содействовало бы достижению цели советского уголовного процесса.

Конечно, признание защитника обязательным субъектом всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела, по-видимому, вызывает ряд возражений. Действительно,

защитник участвует в исследовании далеко не всех уголовных дел. Этот вопрос, как и вопрос о расширении прав защитника, может быть, однако, положительно решен *de lege ferenda*. Кроме того, и суду и лицу, производящему дознание, даже не предусмотрено законом возможности участвовать в достижении истины исключительно по всем уголовным делам.

При развиваемой нами точке зрения суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, и защитник совместно являются субъектами всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела. О каждом субъекте в отдельности этого сказать нельзя. Полная достоверность выводов достигается в уголовном процессе лишь в результате судебного доказывания, как своего рода синтеза доказываний всеми субъектами всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела.

В итоге анализа соотношения познания и уголовно-процессуального доказывания можно сформулировать следующие выводы:

1. если в гносеологическом плане доказывание (логическое доказательство) является составной частью познания, то на уголовно-процессуальном уровне доказывание по сравнению с познанием понятие более широкое ;

2. можно говорить как о непосредственном, так и об опосредствованном познании, но и результат непосредственного познания должен быть в конечном итоге, учитывая цель доказывания, преобразован в средство опосредствованного познания (в доказательство). Выделение остальных различных уровней познания в рамках уголовно-процессуального доказывания не имеет практического значения ;

3. цель познания в рамках уголовно-процессуального доказывания - достижение истины, цель уголовно-процессуального доказывания - получение достоверного знания об исследуемом уголовном деле.

В итоге можно сказать, что нет оснований говорить о тождестве познания и уголовно-процессуального доказывания, хотя доминирующая роль в доказывании принадлежит именно познавательной деятельности.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи останавливаться на всех формах деятельности, входящих в содержание уголовно-процессуального доказывания, считаем необходимым коротко проанализировать еще лишь оценочную деятельность, так как именно от результатов оценочной деятельности во многом зависит уровень и характер достоверности результатов, полу-

ченных посредством доказывания.

Сравнительно незначительная разработанность вопросов оценочной деятельности в пределах уголовного процесса находится в прямой зависимости от новизны проблем, связанных с оценками и ценностями (аксиологических проблем) в марксистской философии.

Можно различать следующие элементы оценочного механизма:

1. Субъект оценки

В аксиологическом плане субъектом оценки может быть любой индивид или любая группировка людей. В соответствии со ст. 50, ч. 1, УПК ЭССР оценкой доказательств в советском уголовном процессе занимаются суд, следователь, прокурор и лицо, производящее дознание. Но в принципе нельзя отрицать оценочную деятельность и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности. В частности, если защитник является обязательным субъектом всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела, то и он, несомненно, является субъектом оценки доказательств.

2. Объект оценки

В аксиологическом плане можно утверждать, что объект оценки - это какой-то предмет или какое-то явление, к которому каким-либо образом относятся. Но это лишь первый, статический уровень оценочной деятельности, и на этом уровне мы под объектом оценки подразумеваем лишь отграниченность данного объекта от всех других объектов и противопоставленность данного объекта субъекту. В реально функционирующем оценочном механизме оценочная деятельность субъекта направлена не на целостный объект, а на какую-то подсистему объекта первого уровня и на выяснение значения данной подсистемы для субъекта оценки. Так и при оценке доказательств мы можем сказать, что на первом аксиологическом уровне, на статическом уровне объектами оценки являются "... эти люди (их сознание) и предметы, на кого или на что подействовало преступление или непосредственно (при прямом доказательстве) или опосредствованно (при косвенном доказательстве)".³² Правда, то, что мы выше относили к объектам первого уровня оценки доказательств, является по существу источником доказательств и в содержание самого доказательства не входит, но поскольку "... от источника доказательств зависит качество как формы, так и содер-

---

³² О. Püssa. Указ. соч., с. 7.

жания доказательств, то источник доказательств имеет особое значение именно при проверке и оценке (подчеркнуто нами - Э.К.) доказательств".³³

В функционирующем оценочном механизме оценочная деятельность субъекта оценки направлена на конкретную подсистему объекта первого уровня - на доказательство, в том числе как на подсистему, охватывающую признаки содержания, так и на подсистему, охватывающую признаки формы.³⁴

Хотя доказательство - это практически неразделимое единство содержания и формы, в конечном итоге, с точки зрения доказывания, нас интересует лишь оценка, данная содержанию доказательства.

Совершенно противоположной точки зрения придерживается М.С. Строгович, считаящий, что оценивать можно подсистему доказательств, охватывающую признаки формы доказательств, но нельзя оценивать подсистему, охватывающую содержание доказательств - фактические данные, имеющие значение для решения данного уголовного дела, так как фактические данные, по мнению М.С. Строговича, не могут быть ни качественными, ни некачественными, они просто или есть или нет.³⁵ Действительно, фактические данные не разделяются на доброкачественные и некачественные подобно формам и источникам доказательств. Однако оценочная деятельность, имеющая значение с точки зрения доказывания, не исчерпывается лишь, например, признанием ка-

³³ О. Рүсса. Указ. соч., с. 7.

³⁴ Следует полностью согласиться с мнением О.К. Пюсса в том, что понятие доказательства охватывает как признаки содержания (ст. 48, ч. 1, УПК ЭССР), так и формы (ст. 48, ч. 2, УПК ЭССР) и нет оснований отдельно именовать ни содержание, а также и ни формы доказательства как целого. В том числе нет оснований признавать формы доказательства именовать источником доказательства, так как источник доказательств - это совершенно самостоятельное явление. - См. О. Рүсса. Указ. соч., с. 4-27. Считаем все же необходимым внести уточнение в концепцию О.К. Пюсса. Вопрос в том, что ст. 48, ч. 2, УПК ЭССР содержит элементы как внутренней, так и внешней формы. Так, нельзя сопоставлять как равные, с одной стороны, заключение эксперта (разделяем точку зрения, согласно которой заключение эксперта является частью акта экспертизы), показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых (внутренняя форма) и, с другой стороны, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и других документов (внешняя форма).

³⁵ М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. (Переработанное и дополненное издание). Т. I. М.: изд. АН СССР, Ин-та государства и права, 1968, с. 293.

кого-то доказательства доброкачественным, что, по М.С. Строговичу, означает просто благонадежность данного источника и формы доказательства. В то же время совершенно ясно, что доброкачественность определенного источника доказательства еще не предопределяет ценности, значения исходящих из данного источника фактических данных для разрешения уголовного дела. И именно в целях определения значения фактических данных для достижения истины необходимо оценивать и фактические данные. Иначе говоря - если оценивают, например, честность свидетеля, то это делается не в той же аксиологической ситуации, в которой происходит оценка какого-то конкретного показания свидетеля.

3. Аксиологическая ситуация

Аксиологическая ситуация формируется в результате взаимодействия субъекта и объекта (в широком смысле) оценки. Здесь происходит "пригонка" какой-то стороны (подсистемы) объекта к соответствующей стороне (подсистеме) субъекта. Становление аксиологической ситуации - это возникновение возможности оценки. Своеобразием аксиологических ситуаций, возникающих в уголовном процессе в связи с оценкой доказательств, является то обстоятельство, что входящая в состав аксиологической ситуации подсистема субъекта точно определена приведенными в ст. 46 и 47, ч. I УПК ЭССР обстоятельствами, подлежащими докзыванию.

4. Оценка

Оценка - это реализация возможности, возникшей с созданием аксиологической ситуации. Здесь мы имеем дело с фиксацией отношения субъекта как целого к подсистеме объекта, являющейся частью аксиологической ситуации, а также к тому значению, которое данная подсистема объекта имеет для соответствующей подсистемы субъекта и для субъекта как целого.

Оценка - это центральный элемент оценочного механизма и можно сказать, что при неаксиологическом рассмотрении вопроса объектом всех рассуждений была оценка как изолированный феномен.

В уголовно-процессуальной литературе широкое распространение получила точка зрения, согласно которой целью оценки доказательств является достижение объективной истины.³⁶ Эта

³⁶ См., например, И.И. Мухомин. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л.: ЛГУ. 1974, с. 3.

точка зрения противоречит, однако, известнейшему принципу марксистской философии, согласно которому объективная истина - результат познавательной деятельности.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что, хотя и оценочная деятельность в практике не отделима от познавательной деятельности, оценка все не придает объективности достигаемой истине, скорее наоборот: оценка добавляет к объективной истине в известном смысле субъективность и показывает, какое значение имеет достигнутая истина для разрешения данного уголовного дела.

5. Основание оценки

Основанием оценки в широком аксиологическом плане является полезность для субъекта оценки, имея в виду конкретную ценностную ориентацию, причем полезность здесь не понимается лишь узко-прагматически, а более широко.³⁷

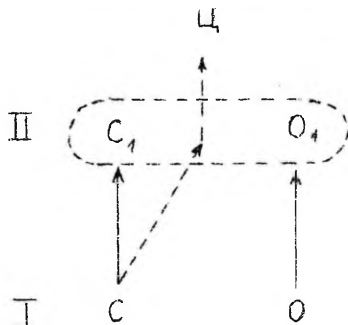
6. Ценность

Сама ценность не является элементом оценочного механизма, она результат функционирования этого механизма. Если при оценке мы говорили о фиксации отношения как о процессе, то при ценности мы имеем дело с фиксацией как идеальным образом.

Схематично функционирование оценочного механизма выглядит следующим образом:

- I - Первый аксиологический уровень
- С - Субъект оценки
- О - Объект оценки
- II - Второй аксиологический уровень - аксиологическая ситуация
- С^I - Подсистема субъекта, входящая в аксиологическую ситуацию
- О^I - Подсистема объекта, входящая в аксиологическую ситуацию

Ц - Ценность

³⁷ Под ценностными ориентациями мы понимаем социально обусловленную и в человеческой психике закрепленную направленность на применение конкретных средств и на достижение конкретных целей. - См. А.А.Ручик а. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976, с. 32. Можно утверждать, что и для уголовно-процессуальной деятельности, при помощи специального комплекса - ценностно-нормативного регулятора, выработана соответствующая ценностная ориентация.

О ПОНЯТИИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Р.А. Марусте
преподаватель

Об общественной потребности в психологической экспертизе¹ свидетельствует резкое возрастание числа проведенных экспертиз этого вида как во всесоюзном масштабе, так и в Эстонской ССР², многочисленные сообщения в специальной литературе, создание Всесоюзного исследовательского центра психологической экспертизы при секторе судебной психологии Всесоюзного института Прокуратуры СССР и т.д.

В специальной литературе главное внимание уделяется рассмотрению различных случаев назначения и проведения психологической экспертизы. Глубокое определение содержания понятия психологической экспертизы, раскрытие ее особенностей, установление ее принадлежности в системе классификации судебных экспертиз пока не привлекает к себе серьезного внимания союзовских исследователей³.

¹ Предварительно необходимы некоторые разъяснения терминологического характера. Как в специальной литературе, так и в правовой практике получил распространение термин "судебно-психологическая экспертиза". Однако поскольку ни в УПК ЭССР, ни в "Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик" понятие судебная экспертиза (разрядка моя - Р.М.) не встречается, а говорится лишь об экспертизе и заключении эксперта, то, по нашему мнению, нет необходимости называть рассматриваемый нами вид экспертизы судебно-психологической - достаточно именовать ее психологической экспертизой, что в равной мере передает содержание этого понятия. Полное наименование необходимо лишь в том случае, когда встает вопрос об определении, уточнении характера экспертизы (поскольку психологические экспертизы проводятся и вне уголовного процесса) и следует уточнить, какая именно экспертиза имеется в виду. Исходя из этих соображений в дальнейшем мы будем пользоваться термином "психологическая экспертиза".

² По приблизительным данным, число проведенных в Эстонской ССР психологических экспертиз достигает сорока.

³ У Я.М. Яковлева мы встречаем некоторые замечания и пояснения в связи с рассмотрением иных вопросов психологической экспертизы. См. Я.М. Яковлев. Научные основы,

Точное определение понятия психологической экспертизы не является самоцелью. Но не менее ошибочно принижение значения этого определения. Строго научное и полное определение понятия психологической экспертизы — это лишь неременное условие правильного и последовательного решения важнейших проблем психологической экспертизы.

При определении понятия психологической экспертизы необходимо прежде всего анализ ее компетенции. Однако это невозможно без установления места исследуемого явления среди сходных с ним явлений. Лишь затем можно идти дальше и приступить к более глубокому раскрытию понятия психологической экспертизы путем анализа ее компетенции.

О содержании понятия психологической экспертизы можно говорить в различных планах.

I. В гносеологическом плане психологическая экспертиза является одним из способов познания и объяснения действительности, одной из форм связи теории и практики. При отправлении правосудия это связь выражается в использовании в форме экспертизы достижений психологической науки для выявления объективной истины.

II. В методологическом плане можно:

1) взять за основу определение экспертизы как общего понятия и на этой основе рассматривать психологическую экспертизу как частный случай экспертизы;

2) исходить из понятия самой психологической экспертизы, анализируя ее объект, предмет, методы, а также задачи и компетенцию;

3) рассматривать ее место и принадлежность в общей системе классификации экспертиз.

Ни одному из перечисленных аспектов в отдельности нельзя отдавать предпочтение. Для полноты и глубины картины необходимо пользоваться всей совокупностью аспектов исследования психологической экспертизы.

I. Экспертизу можно определить как исследование, проведенное экспертом на основании его специальных познаний с целью дачи заключения, являющегося доказательством по делу.

компетенция и методы судебно-психологической экспертизы. — Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. Часть 1, вып. 1, М., 1973, с. 103—110. См. также А.Р. Ратинов. Советская судебная психология. М., 1967, с. 27; А.М. Кочанов. Судебно-психологическая экспертиза. С., 1977 и некоторые другие.

Поскольку психологическая экспертиза является видом экспертизы, оно характеризуется, прежде всего, признаками, присущими ближайшему роду (*genus proximum*). Такими признаками являются:

- а) применение специальных познаний в форме экспертизы;
- б) исследование;
- в) дача заключения, являющегося доказательством по делу.

Чтобы психологическая экспертиза обладала качеством экспертизы как судебного доказательства, перечисленные признаки должны быть налицо в полном объеме. Следовательно, понятие психологической экспертизы предполагает в первую очередь, что при проведении этой экспертизы необходимо использовать знания⁴, причем не просто знания, а п о з н а н и я, т.е. проверенные на практике, правильные результаты познания действительности. Теории уголовного процесса и практика обособленно придерживаются точки зрения, согласно которой познания, применяемые при проведении экспертизы, должны быть н а у ч н ы м и познаниями⁵.

Знания сами по себе могут быть обыденными, преднаучными, либо псевдонаучными, художественными и научными. Обыденными (бытовыми или повседневными) знаниями, как правило, пользуются при констатации и описании фактов, в то время как научные познания позволяют подняться до уровня их объяснения, осмысливания и систематизации. Научные познания могут быть эмпирическими и теоретическими. Проведение психологической экспертизы предполагает наличие как первых, так и вторых.

"Сущность научного знания заключается в понимании действительности в ее прошлом, настоящем и будущем, в достоверном обобщении фактов, так что за случайным оно находит необходимое, закономерное, за единичным - общее и на этой основе осуществляет предвидение"⁶.

⁴ Утверждение о необходимости при проведении экспертизы применения познаний и проведения исследования представляется банальным, однако мы делаем это с целью подчеркнуть недопустимость дилетантизма. См. С. Богомолова, Л. Коннышева. Проблемы юридической психологии. - Социалистическая законность, 1976, № 7, с. 68.

⁵ См. Л.С. Стровский. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1966, с. 437.

⁶ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976, с. 503.

Научность с ее строгой аргументированностью и объективностью является одним из основных факторов, который путем обеспечения благонадежности и авторитета психологической экспертизы определяет ход ее дальнейшего развития. Подчеркивание научности обусловлено спецификой психологии. Последняя представляет собой область, в которой каждый человек обладает известными знаниями. Но это - не научные познания, они недостаточны для проведения экспертизы. Вместе с тем для проведения экспертизы необходимы не просто научные познания, это должны быть специальные познания⁷ (ст. 59, ч. 1 УПК ЭССР).

Особенности познаний, применяемые в форме экспертизы, были предметом исследований Д.П. Поташника, Т.В. Устьянцевой⁸, З.М. Соколовского, А.А. Эйсмана⁹, В.И. Шиканова¹⁰ и др. Весьма существенно для психологической экспертизы и замечание З.М. Соколовского о том, что для достижения на практике согласованности в деле назначения экспертизы необходимы точные и конкретные признаки, характеризующие специальные познания¹¹.

Общее по отношению к еще более общему выражает особенное. Специальные познания эксперта-психолога как особенные должны заключать в себе наиболее общие познания в области психологии как отрасли науки, а также знание задач, объекта, предмета и методики экспертизы данного вида, на котором эксперт специализирован. Как научное познание идет от единичного к абстрактному общему, отсюда к конкретному общему и лишь в

⁷ В специальной литературе не всегда проводится четкое различие между терминами "знания" и "познания". Однако учитывая то, что для проведения экспертизы необходимы как знания, так и владение всем специфическим познавательным аппаратом известной специальности (познания), мы считаем более правильным применение термина "познания". Содержание этого понятия шире и включает в себя как навыки и знания, так и познание. Познание предполагает наличие первых.

⁸ См. Д.П. Поташник, Т.В. Устьянцева. К вопросу о понятии и содержании специальных познаний эксперта-криминалиста. - Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. М., 1973, с. 162 и сл.

⁹ См. А.А. Эйсман. Заключение эксперта. М., 1967.

¹⁰ См. В.И. Шиканов. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Иркутск, 1978.

¹¹ См. З.М. Соколовский. Понятие специальных знаний (к вопросу об основаниях назначения экспертизы). - Криминалистика и судебная экспертиза. Республиканский межведомст-

конечном итоге к особенному, репродуцируя объект во всей его многогранности, во всем богатстве связей и отношений его сторон, так и формирование познаний эксперта должно иметь конечным результатом специальные познания, позволяющие охватить единичное во всем его многообразии. Специальными познаниями обладает специалист.

Специальные познания в области психологии являются совокупностью познаний в этой области¹² и практических навыков, усвоенных в результате специальной профессиональной подготовки и в процессе работы по специальности и позволяющих располагающему ими лицу решать важные для дела вопросы, входящие в его компетенцию.

В практическом плане это означает, что в настоящее время общенаучными познаниями в области психологии обладает лишь человек, имеющий по меньшей мере высшее специальное образование. Чтобы быть экспертом, он должен как теоретически, так и на практике специализироваться в одной области психологии и иметь подготовку к проведению экспертиз именно в этой области. Экспертами-психологами должны быть в первую очередь высококвалифицированные специалисты - преподаватели, научные работники (пока нет единых унифицированных и проверенных методик для решения однотипных вопросов, отсутствуют общепризнанная форма акта психологической экспертизы и основания для формирования заключения). Он должен иметь необходимые познания и в области права, связанные с данной областью.

При выборе эксперта необходимо учитывать его компетентность. Например, специалист в области инженерной психологии не должен проводить психологические исследования несовершен-

---

енный сборник научных и научно-методических работ. Вып. 6. Киев, 1969, с. 199.

¹² На наш взгляд, неточно утверждение, будто важные для дела обстоятельства, связанные с психикой, устанавливаются на основании специальных судебных — психологических познаний (см. например, А.Р. Шляхов. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979, с. 17). Подобное утверждение сокращает возможности психологической экспертизы. Предмет исследования судебной психологии уже и не охватывает все те области и возможности, которые необходимы эксперту-психологу для решения вопросов, могущих возникнуть в ходе проведения психологической экспертизы. Поэтому мы считаем, что специальные познания, применяемые при проведении психологической экспертизы, нельзя ограничивать лишь рамками судебной психологии, — специальные познания должны охватывать всю область науки, вытекающую из объекта исследования и изучающую его. Возможно, что указанное ограничение, предполагающее более высокий уровень развития судебной психологии как науки — дело будущего.

нолетних, а специалист в области детской психологии - аффективные процессы, не говоря уже об исследовании психологических проблем психиатром, педагогом либо медиком.

Психологическая экспертиза далее предполагает проведение исследования, ибо доказательственное значение заключения эксперта находится в прямой зависимости от факта ее формирования в результате проведенного исследования¹³. Если нет исследования, нет экспертизы и нет заключения эксперта как доказательства¹⁴.

Исследование, проводимое экспертом, должно быть непосредственным, объективным и всесторонним¹⁵. Проведение психологической экспертизы предполагает психологическое исследование. Как известно, основными методами исследования в психологической науке являются наблюдение, эксперимент, беседа, анализ результатов (продуктов) деятельности, самоанализ, биографический и анкетный методы, тесты. Кроме того, каждая область науки формирует свои специфические методы и методики.

Здесь мы не считаем возможным согласиться с Я.М. Яковлевым в том, что при проведении психологической экспертизы все методы, исключая эксперимент, носят вспомогательный и тем самым менее существенный характер¹⁶. С этим утверждением невозможно согласиться, поскольку "...любой факт оказывается следствием другого и причиной третьего, и вместе с тем он служит проявлением некоторой сущности, общей для него и ряда других фактов. Этот же факт входит элементом в какую-то структуру и принадлежит к роду, виду, образованному множеством сходных с ним фактов, и т.п."¹⁷ Все эти связи не совпадают между собой полностью, лежат в различных плоскостях и на разных уровнях, что позволяет говорить о многокачественности явлений, что в нем проявляется не одна сущность, а мно-

¹³ См. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1973, с. 700.

¹⁴ См. М.С. Строгович. Указ. соч., с. 437.

¹⁵ См. А.Я. Палиашвили. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973, с. 15.

¹⁶ См. Я.М. Яковлев. Научные основы, компетенция и методы судебно-психологической экспертизы. - Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности (Материалы Всесоюзной научной конференции). Часть I, вып. I. М., 1973, с. 110.

¹⁷ А.А. Эйман. Заключение эксперта. М., 1967, с. 5.

гие¹⁸.

Для объективного исследования психики, ее процессов и состояний, а также многообразия материального мира недостаточно одного метода, даже если он главный. Чтобы постигнуть истину, необходим комплексный подход, в котором все методы значительны, причем практика как критерий истины сохраняет свое значение. Для выявления одной связи и обусловленности пригоден один метод, для обоснования другого обстоятельства другой, для третьего третий и т.д., ибо только путем всестороннего и непосредственного исследования можно прийти к постижению объективной истины. Без специального исследования или в условиях исследования с применением лишь какого-либо одного, хоть главного, метода, мнение даже самого высококвалифицированного специалиста будет страдать субъективностью, а, следовательно, оно не будет обладать качеством заключения эксперта¹⁹.

Признаком экспертизы не является такая исследовательская деятельность, результат которой заключает в себе в готовом виде факт, являющийся содержанием доказательства. Факт должен выявиться лишь тогда, когда лицо, которое на основании специальных (психологических) познаний осуществляет специальное исследование, сделает новое заключение из результатов всей исследовательской деятельности²⁰.

Далее, для экспертизы как таковой характерно то, что целью ее проведения является формирование заключения, являющегося судебным доказательством. Следовательно, и при психологической экспертизе эксперт должен представить свои выводы в виде мотивированного заключения, являющегося составной частью акта экспертизы, представляющей собой ответ на поставленные перед экспертом вопросы (см. ст. 160 УПК ЭССР). В силу отличия основного объекта исследования психологической экспертизы - обвиняемого от объектов исследования прочих экспертиз исключительно остро встает вопрос о всесторонности

¹⁸ См. В.И. Ленин. Еще раз о профсоюзах. - Полн.собр. соч., т. 42, с. 289.

¹⁹ Эту точку зрения Н.М. Иовлева критиковал и Д.П. Котов. См. его "Исследование психических качеств обвиняемого и судебно-психологическая экспертиза в польском уголовном процессе". - Гарантия прав личности в уголовном процессе Польской Народной Республики. Прославль, 1976, с. 28.

²⁰ Vt. O. Püssa. Ekspertiisi määramine ja tegemine. Tartu, 1966, lk. 11.

проведения исследования, а также о подробном и основательном изложении результатов исследования в акте экспертизы. Это объясняется тем, что необходимые для правильного решения дела фактические данные (биографические данные, описание наблюдения и беседы, описания и результаты экспериментов, психофизиологические данные, полученные с помощью использования различных методик исследования и тестов, и т.д.), которые должны найти свое отражение в акте экспертизы, необходимы не только для оценки и проверки заключения эксперта, но и в качестве материала, учитывающегося при выборе средств воздействия при назначении наказания. Оно и понятно, ибо объект экспертизы - обвиняемый - есть вместе с тем объект карательного воздействия.

Differentia specifica (видовые различия) психологической экспертизы следует усмотреть в применении при ее проведении специальных психологических познаний, т.е. специальных познаний, науки о "законах порождения и функционирования психического отражения индивидом объективной реальности в деятельности человека..."²¹.

При выделении видовых различий можно:

а) принять за основу специфический характер, принадлежность к определенной отрасли науки используемых в экспертизе специальных познаний и

б) исходить из специфики отрасли науки, являющейся научной основой вида экспертизы.

Более правильным представляется исходить из базовой науки, из предмета ее исследования, поскольку строгое разграничение познаний в соответствии с их спецификой трудно осуществимо. К тому же в этом (в данном контексте) нет и особой необходимости, так как некоторые познания из смежных областей неизбежны, ибо способствуют более целостному пониманию исследуемого явления. Содержание используемых в конкретном случае специальных познаний пусть будет основанием для определения компетенции эксперта (а также особенностей его вида, если можно так выразиться).

Ответить на вопрос, что же выходит в конкретном случае в предмет исследования психологической науки и что нет, должны психологи. Этот ответ должен быть более точным и подробным по сравнению с вышеприведенным определением. Явления и зако-

²¹ Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975, т.21, с. 193.

номерности, не входящие в круг предмета исследования психологической науки, не могут быть предметом психологической экспертизы.

В процессе проведения психологической экспертизы нередко приходится сталкиваться с объективно существующей трудностью - границы наук окончательно не становлены. Поскольку при доказывании можно использовать лишь объективные, обоснованные данные и закономерности, предметом психологической экспертизы могут быть только такие явления и закономерности, которые бесспорно входят в предмет исследования психологии.

В этой связи снова возникает вопрос о компетенции экспертизы²². В компетенцию психологической экспертизы²³ входит решение всех вопросов бесспорно являющихся предметом исследования психологии и имеющих существенное значение для решения конкретного уголовного дела. Однако исчерпывающий перечень этих вопросов в принципе невозможен, да и не нужен. Перечисление имеет здесь лишь иллюстративно-пояснительное значение. Во всем остальном, касающемся компетенции психологической экспертизы, можно полностью согласиться с П.С. Дагелем и И.В. Резниченко, которые пишут, что компетенция судебно-психологической экспертизы ограничена лишь уровнем психологических и судебно-психологических знаний и методов психологического исследования. На разрешение психологической экспертизы могут быть поставлены лишь такие вопросы, на которые психология (судебная психология) в состоянии ответить, поскольку имеются научные, объективные, поддающиеся проверке методы исследования и решения этих вопросов. Пределы компетенции судебно-психологической экспертизы, таким образом, ограничены, с одной стороны, юридическим критерием, носящим постоянный характер и имеющим негативное значение, и, с другой стороны, гносеологическим критерием²⁴.

²² О компетенции экспертизы говорят, например, и М.С. Строгович и И.Ф. Пантелеев. Укрепление социалистической законности в уголовном судопроизводстве. - Советское государство и право, 1978, № 6, с. 69-70.

²³ Мы имеем в виду то обстоятельство, что можно различать компетенцию вида экспертизы и компетенцию конкретной экспертизы. Последнюю, помимо компетенции вида экспертизы, определяет также круг заданных эксперту вопросов, представленные ему для дачи заключения материалы, а также объем специальных познаний конкретного эксперта.

²⁴ См. П.С. Дагель, И.В. Резниченко. Вопрос компетенции и организации судебно-психологической экспертизы. - Советская юстиция, 1970, № 1, с. 7-8.

Большим недостатком исследовательской работы в области психологической экспертизы является неразработанность вопроса об объективных условиях (методики), обеспечивающих добротное проведение психологических экспертиз. В результате этого расширение компетенции психологической экспертизы сталкивается с большими трудностями, хотя и в литературе неоднократно говорилось о необходимости такого решения. Это тем более досадно, что уже десятки лет проводятся экспертизы, однако вопрос о том, как их проводят, обходится молчанием²⁵.

2. Раскрытие сущности экспертизы на основании ее объекта, предмета и методики в совокупности единственно правильным считает А.Р. Шляхов²⁶. В целом с этим можно согласиться, с оговоркой только в отношении ее исключительной правоты. В интересах точности и последовательности следовало бы, по нашему мнению, различать объект, предмет и методику вида экспертизы и объект, предмет и методику отдельной конкретной экспертизы. Основанием для такого разделения должна быть единая точка зрения на объект, предмет и методику. По-видимому, правильно предположить, что трактовка объекта, предмета и методики в теории экспертизы не должна отличаться от трактовки объекта, предмета и методики в философии и теории науки, а также то, что экспертиза является одной из форм познавательной деятельности²⁷.

Обобщая высказанные различными авторами точки зрения²⁸,

²⁵ Вопрос был поднят уже в 1973 г. Я.М. Яковлев. См. его ст.: Научные основы, компетенция и методы судебно-психологической экспертизы. - Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности (Материалы Всесоюзной научной конференции). Часть I. Вып. I. М., 1973, с. 106-110.

²⁶ См. А.Р. Шляхов. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979, с. 7.

²⁷ По этому поводу см. В.Д. Арсеньев, Г.А. Атанесян. Актуальные проблемы судебной экспертизы: А.Р. Шляхов. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979, 164 с. - Вестник Московского ун-та. Серия II. Право, № 5, 1980, с. 84.

²⁸ См. В.А. Лекторский. Принципы воспроизведения объекта в знания. - Вопросы философии, 1967, № 4, с. 49 и сл.; Б.М. Кедров. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1967, с. 153; Г.П. Шедровицкий. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964, с. 14-16. В связи с криминалистикой об этом правильно писал Б.И. Краснобаев. Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики. Учебное пособие. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1979, с. 45-77.

мы находим, что под объектом следует подразумевать объективную реальность, вещь, существующую независимо от сознания, под предметом же - знания, закономерности, отражающие известные стороны, аспекты объекта. Объект имеет много сторон, их изучение может быть предметом исследования различных отраслей науки. Предмет определяется главным образом применяемым при его изучении методом. Изучая предмет с помощью определенной системы приемов и способов - методики, мы получаем новые данные об объекте.

Объектом психологической экспертизы является психика, либо материальные продукты психической деятельности человека, связанного с преступлением, а ее предметом - данные о той стороне процессов, состояний и закономерностей нормальной психической деятельности человека, которая связана с выявлением объективной истины в уголовном процессе, методика же психологической экспертизы - это система средств и приемов исследования, разработанная, проверенная и используемая в психологии и судебной психологии.

Объект, предмет и методика конкретной, единичной психологической экспертизы вытекают из соответствующих признаков вида экспертизы и определяются задачами конкретной экспертизы, а методика еще и объективными условиями проведения экспертизы²⁹. Таким образом, объектом конкретной психологической экспертизы являются все собранные по уголовному делу и предусмотренные уголовно-процессуальным законом источники доказательственной информации, необходимые для решения задач данной экспертизы. Предметом конкретной психологической экспертизы являются собранные по уголовному делу и предусмотренные уголовно-процессуальным законом данные о тех сторонах источников доказательственной информации, в которых отражаются процессы, состояния и закономерности психики нормальной личности. Методика конкретной психологической экспертизы - это разработанная, проверенная и используемая в психологии, судебной психологии, а также в теории психологической экспертизы система средств и приемов исследования, необходимая для решения задач данной экспертизы в соответствии с особенностями имеющегося материала, специальных познаний эксперта и условий проведения экспертизы.

3. Рассматривая место психологической экспертизы в системе классификации судебных экспертиз, нельзя пройти мимо

²⁹ См. и В.Д. Арсеньев, Г.А. Атанасян. Указ. соч.

взглядов А.Р. Шляхова, а также А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, как наиболее характерных.

А.Р. Шляхов полагает, что психологическая экспертиза относится к классу судебно-медицинских и психофизиологических экспертиз, выступая там в "качестве родовой экспертизы"³⁰. Поскольку основания для подобного классификационного деления не указаны, невозможен и анализ его обоснованности. Что же касается подведения психологической и психиатрической экспертизы под общий знаменатель "психофизиологическая экспертиза", то это вызывает серьезные возражения, ибо "психофизиология" - понятие психологии и обладает конкретным содержанием, обозначая материальные основы психических процессов³¹.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подразделяют экспертизы на диагностические, ситуационные и классификационные³². Так как диагноз есть частный метод научного познания и означает распознавание, определение, представляется весьма обоснованным считать психологическую экспертизу относящейся к числу диагностических экспертиз. При установлении диагноза всегда возникает задача определения, раскрытия объективной истины по изучаемым в объекте проявлениям и симптомам с последующим объяснением изучаемого явления. Характерным является установление типичных признаков того или иного объекта для данной ситуации³³. Подобный способ исследования соответствует статистическому характеру законов и закономерностей психологии.

В форме комплексных исследований психологическая экспертиза в зависимости от стоящих перед ней задач может относиться и к классификационным либо ситуационным экспертизам³⁴.

³⁰ См. А.Р. Шляхов. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979, с. 11-12.

³¹ Encyclopedia of Psychology. N.Y., 1972, Vol. 3, p.89-90.

³² См. А.И. Винберг, Т.Н. Малаховская. Судебная экспертология. (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979, с. 155-182.

³³ См. А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская. Указ. соч.

³⁴ Ситуационная экспертиза направлена, например, на возможность установления способа совершения преступления, анализ действий, имевших место, на последовательность и средства, применяемые преступником. См. А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская. Указ. соч., с. 168. См. также работу А.И. Винберга. Идентификационная, диагностическая и ситуационная криминалистические экспертизы. - Советское государство и право, 1978, № 9, с. 71.

ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ЭКСПЕРТИЗЕ

Х.Э. Линдмяэ

кандидат юридических наук, доцент

В "Уголовно-процессуальном кодексе Эстонской ССР"¹ предусмотрены процессуальные права обвиняемого при проведении экспертизы, обеспечивающие ему право на защиту. Эти права обвиняемого являются одновременно и одним из условий всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. В связи с этим в статье особое внимание обращается на вопросы отвода эксперта в тех случаях, когда он в том же уголовном деле является специалистом.

В зависимости от того, когда обвиняемый может использовать свои права, их можно разграничить по следующему процессуальному порядку: процессуальные права, используемые обвиняемым

- 1/ при назначении экспертизы,
- 2/ при проведении экспертизы и
- 3/ после экспертизы.

При назначении экспертизы обвиняемый в соответствии со ст. 157, ч. I и 2 УПК ЭССР вправе ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы, заявлять ходатайства об истребовании дополнительных материалов, заявить отвод эксперту и ходатайствовать о назначении эксперта из числа указанных им лиц.

В соответствии со ст. 157, ч. I УПК ЭССР обвиняемого ознакомляют только с постановлением о назначении экспертизы².

¹ В дальнейшем - УПК ЭССР.

² В специальной литературе высказана точка зрения, по которой необходимо в УПК предусмотреть срок, когда после составления постановления и назначения экспертизы следователь должен ознакомить с ним обвиняемого и разъяснить ему права при экспертизе. Это предложение не обосновано. Важно, чтобы это делалось до того, как передать экспертному учреждению или эксперту материалы экспертизы (см. В.Д. Макогон. Некоторые вопросы назначения и проведения экспертизы на предварительном следствии. - Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 2. Киев, 1965, с. 113).

При этом указывается в ст. 157, ч. 2, что обвиняемый имеет право заявить ходатайство об истребовании необходимых дополнительных материалов, имеющих отношение к экспертизе. Для выяснения, нужны ли дополнительные материалы, обвиняемый вправе знать, какие материалы вручаются эксперту для исследования и ознакомления. Об этом обвиняемый должен узнать из постановления о назначении экспертизы, где изложен перечень материалов, направляемых эксперту. Если следователь считает необходимым, обвиняемый может сам ознакомиться непосредственно с этими материалами.

Опираясь на данные, полученные при ознакомлении с перечнем или непосредственно с вручаемыми эксперту материалами, обвиняемый может также ходатайствовать о постановке перед экспертом дополнительных вопросов.

В ст. 157, ч. 1 и 2 УПК ЭССР ничего не сказано о правах обвиняемого предъявлять дополнительные вопросы и документы, имеющие отношение к экспертизе. Однако такие права обвиняемому предусмотрены в ст. 157, ч. 4 и ст. 162, ч. 1 УПК ЭССР при ознакомлении его с экспертизой и ходатайстве о проведении дополнительной или повторной экспертизы. Было бы логичным, чтобы такие права, которые исходят из ст. 35, ч. 2 УПК ЭССР, обвиняемый имел бы всегда при назначении экспертизы. Поэтому необходимо предусмотреть в ст. 157, ч. 2 УПК ЭССР права обвиняемого предъявить доказательства, имеющие отношение к экспертизе, и ходатайствовать о постановке перед экспертом дополнительных вопросов.

Чтобы обвиняемый имел возможность использовать свое право для отвода эксперта уже при назначении экспертизы, желательно по возможности и в том случае, если экспертиза проводится в экспертном учреждении, назначать эксперта поименно. Назначение эксперта предварительно согласуется с руководителем экспертного учреждения.

В некоторых случаях предварительное согласие о проведении экспертизы получают от эксперта экспертного учреждения, участвующего в качестве специалиста в следственном действии, уже перед составлением постановления о назначении экспертизы. Так, в п. 5 Инструкции о порядке проведения экспертиз в Научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы Эстонской ССР, предусмотрено, что эксперт при исполнении служебных заданий вне Таллина вправе принять к исполнению постановление о назначении экспертизы. О своем назначении экспертом он сам сообщает директору лаборатории.

Обвиняемому разъясняют основания отвода эксперта и выясняют, известны ли ему обстоятельства, вызывающие сомнение в беспристрастности или в компетентности эксперта. Одновременно требуется, чтобы обвиняемый обосновал отвод.

Если экспертиза проводится в экспертном учреждении и эксперт не назначается поименно, обвиняемому разъясняют, что он вправе заявить отвод эксперту после ознакомления с экспертизой и одновременно ходатайствовать о проведении повторной экспертизы.

Следователь должен установить, обоснован ли предъявленный обвиняемым отвод. При решении этого вопроса исходят из ст. ст. 20, 26 и ст. 119, ч. I УПК ЭССР.

Основания для отвода эксперта указаны в ст. 20 УПК ЭССР в обобщенном виде. Из этого видно, что эксперт не может принимать участия в производстве по уголовному делу и подлежит отводу, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в этом деле.

Основания к отводу уточняются в ст. 26 УПК ЭССР. Правда, в этой статье даются основания к отводу судей, входящих в состав суда, но по ст. 119, ч. I, УПК ЭССР они относятся и к эксперту. Исходя из этого нельзя в соответствии с ст. 26, ч. I, УПК ЭССР назначать экспертами:

1) при комиссионной экспертизе лиц, состоящих в родстве между собой;

2) лиц, являющихся или являвшихся участниками данного процесса или родственниками, т.е. родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, братьями и сестрами, дедом и бабушкой, внуками, а также супругом какого-либо участника процесса;

3) лиц, участвовавших в данном уголовном деле в качестве прокурора, следователя, лица, производящего дознание, переводчика, свидетеля или понятого;

4) в отношении которых стали известны обстоятельства, вызывающие сомнение в их беспристрастности.

В следственной практике часто бывает, что экспертами назначают работников Научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы Эстонской ССР и Оперативно-технического отдела Министерства Внутренних Дел Эстонской ЭССР, а также Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Эстонской ССР и отделов судебно-медицинской экспертизы, которые уже раньше в этом же уголовном деле принимали участие в качестве специалистов. Поэтому необходимо

уяснить, является ли такая практика обоснованной и согласуется ли с УПК ЭССР. Таким путем можно найти и ответ на вопрос, может ли обвиняемый заявить обоснованный отвод эксперту, участвующему в деле в качестве специалиста.

Данный вопрос разрешается в уголовно-процессуальном законе по-разному. Конечно, различные решения не объясняются особенностями союзных республик, но они укореняются в сложившихся мнениях и следственной практике.

Так, в ст. 67, п. 3а ч. I, УПК РСФСР прямо усматривается, что эксперт подлежит отводу, если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением участия врача - специалиста в области судебной медицины при наружном осмотре трупа. В противоположность этому, ст. 209 УПК Литовской ССР предусматривает, что предыдущее участие лица в качестве специалиста не является основанием для отвода эксперта.

УПК ЭССР прямо не запрещает участие специалиста, участвовавшего в следственном действии в этом же деле, в качестве эксперта, однако этот запрет косвенно исходит из ст. 26, ч. I, и ст. II9, ч. I, УПК ЭССР. Отсюда уясняется, что предыдущее участие эксперта в уголовном деле в качестве специалиста приходится считать основанием для его отвода³.

Но правильно ли применять общие требования ст. 26, ч. I, и ст. II9, ч. I, УПК ЭССР, по которым субъект уголовного судопроизводства не может в этом же деле выполнять заданий другого субъекта, в отношении специалиста и эксперта, этот вопрос требует подробного разъяснения.

Прежде всего нельзя оставлять без внимания при применении ст. ст. 26 и II9 УПК ЭССР то обстоятельство, что специалист и эксперт, с одной стороны, и судьи, входящие в состав суда, с другой стороны, совсем разные субъекты уголовно-процессуальных отношений, права и обязанности которых различны.

Общим для специалиста и эксперта является лишь то, что они оба используют специальные неправовые познания в уголовном процессе и выполняют в расследованном уголовном деле за-

³ Такой же точки зрения придерживаются и в специальной литературе, ссылаясь на то обстоятельство, что выполнение заданий специалиста влияет и на объективность эксперта (см. напр., А.Р. Шляхов. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1974, с. 86). Одновременно подчеркивается, что в предварительном следствии недопустимо соединять в одном и том же лице функции специалиста и эксперта (см. В. Печерский. Назначение и компетенция судебно-автотехнической экспертизы. - Социалистическая законность, 1975, № 7, с. 60; В.К. Лисиценко. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. Киев, 1979, с. 79).

дания, полученные от суда, лица, производящего дознание, следователя или прокурора. Только форма использования специальных познаний специалистом и экспертом является разной.

Если специалист не может быть в этом же уголовном деле экспертом, то у эксперта должно быть право отказаться от дачи заключения в случае, если он принимал участие в качестве специалиста в следственном действии. Но эксперт вправе отказаться от дачи заключения только в двух случаях: когда у него отсутствуют специальные познания, использование которых необходимо в уголовном деле, или он лично, прямо или косвенно заинтересован в этом деле. Исходя из этого необходимо выяснить, имеются ли основания сомневаться в объективности эксперта ранее, когда он в деле участвовал в качестве специалиста.

По ст. III¹, ч. I, УПК ЭССР следователь вправе привлечь к участию в производстве следственного действия специалиста, не заинтересованного в исходе уголовного дела. Если считать специалиста после того, как он выполнит свои задания, лицом, заинтересованным в деле, то остается неясным, что именно превращает его в заинтересованное лицо и почему он потом не может участвовать в деле в качестве эксперта.

В специальной литературе заинтересованность эксперта в уголовном деле пытаются разъяснить по-разному. Так, полагают, что у специалиста, оказывающего помощь при выполнении следственного действия следователю в обнаружении и закреплении доказательств, а также в изъятии предметов, формируется определенное мнение об обстоятельствах, относящихся к событию преступления. Не исключены случаи, когда специалист не выполняет добросовестно свои обязанности или у него не хватает специальных познаний. Это прямо влияет на результаты экспертизы: ошибка специалиста может вызвать неправильное заключение.⁴

Утверждения такого содержания остаются голословными и лишены убедительности. Непонятно, как может повлиять на объективность эксперта то, что во время следственного действия, в котором он принимал участие в качестве специалиста, ему стали известны некоторые обстоятельства, связанные с преступлением. Знание этих обстоятельств эксперту необходимо при подготовке к экспертизе, для выдвижения экспертных версий и избрания методов исследования, а также при оценке результа-

⁴ Г.Е. Морозов. Участие специалиста в стадии предварительного расследования. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1977, с. 9.

тов исследования. Если эксперт не знает обстоятельств, относящихся к событию преступления, то его знакомят с ними по представленным ему материалам. Но и при ознакомлении с ними у эксперта возникает свое мнение об обстоятельствах расследуемого события преступления. Однако, с точки зрения проведения экспертизы, это не излишне и не вредно, а необходимо для выполнения экспертных заданий. Ведь свои выводы эксперт выдвигает не на основе ранних впечатлений, а на основании данных, полученных при исследовании представленных ему объектов.

Эксперт всегда должен в акте экспертизы доказывать свое заключение фактами. Это означает, что заключение эксперта образуется только на основе ему представленных материалов, независимо от того, принимал ли эксперт участие в уголовном деле в качестве специалиста или нет. Никакой оценки в акте экспертизы работе специалиста эксперт не дает.

Опираясь на следственную и экспертную практику, можно утверждать, что предыдущим участием эксперта в деле в качестве специалиста обеспечивается то, что он более подробно знакомится с обстоятельствами дела, а это содействует глубокому и многостороннему исследованию вещественных доказательств при проведении экспертизы. Назначение специалиста экспертом не только допустимо, но и желательно⁵.

Если эксперт раньше участвовал в следственном действии в качестве специалиста, помогая следователю в обнаружении и закреплении доказательств, а также в изъятии предметов, он получает непосредственно данные, необходимые ему для всестороннего, полного и объективного исследования⁶. Назначение специалиста экспертом содействует взаимодействию между экспертом и следователем⁷. При таких обстоятельствах у эксперта нет необходимости требовать у следователя дополнительных ма-

⁵ См. А.И. Винберг. Специалист в процессе предварительного расследования. - Проблемы судебной экспертизы. Сб. 1. М., 1961, с. 46.

⁶ См. А.И. Шиканов. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978, с. 42.

⁷ См. O. Püssa. Ekspertiisi määramine ja tegemine. Tartu, 1966, lk. 47.

териалов. Это, однако, облегчает и ускоряет выполнение заданий эксперта.⁸

Если в качестве специалиста было привлечено не компетентное для выполнения своих обязанностей лицо, то допущенные им ошибки не может устранить и другой эксперт. Они могут привести, например, к тому, что проведение экспертизы оказывается невозможным, при идентификации, вместо установления конкретного объекта, устанавливается только его групповая принадлежность или эксперт может дать свое заключение только в предположительной форме.

Если данные, установленные при проведении следственного действия, используются при проведении экспертизы как исходные данные, но они по вине специалиста были установлены неправильно, то ни один эксперт на их основе не может сделать правильных выводов.

Напрасно полагать, что если специалист знает, что его могут назначить экспертом, то он относится к своим обязанностям поверхностно. Когда специалисту известно, что он сам должен при проведении экспертизы исследовать объекты, полученные следственным действием, то это увеличивает его ответственность как специалиста. При таких обстоятельствах специалист более старательнее выявляет и закрепляет доказательства.⁹

Необоснованность положения, по которому лицо, участвующее в деле в качестве специалиста, нельзя назначить экспертом, оказывается очевидной при анализе содержания ст.60, ч.3, УПК ЭССР. Отсюда вытекает, что эксперт вправе присутствовать с разрешения следователя на допросе обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, а также при проведении других следственных действий и задавать через следователя вопросы допрашиваемым. Исходя из характера заданий, выполняемых при этом экспертом, можно сделать вывод, что он участвует в следственных действиях в качестве специалиста. Такое же понимание укореняется и в следственной практике. В специальной литературе также указывается, что эксперт может быть приглашен для участия в проведении следственного действия в качестве специалис-

⁸ См. С.Ф. Скопенко и др. Практика привлечения специалистов к участию в расследовании преступлений. - Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. II. Киев, 1976, с.7.

⁹ См. В.Г. Кутушев. К вопросу об участии специалиста в производстве следственных действий. - Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Вып. I. Изд-во Саратовского ун-та, 1976, с. 41.

та. ¹⁰

Эта точка зрения соответствует и нуждам, и интересам следственной практики: нельзя считать правильным то, что следователь, needing в помощи специалиста для дополнения материалов экспертизы, наряду с экспертом приглашает еще и специалиста.

Если эксперт может в данном же деле выступать в качестве специалиста, то невозможно ничем обосновать запрещение назначения специалиста экспертом.

На основании вышеприведенного можно констатировать, что решение вопроса, может ли специалист в этом же уголовном деле участвовать в качестве эксперта, только одно: нельзя чинить процессуальных препятствий к назначению его экспертом. ¹¹

Данное положение относится ко всем специалистам, независимо от их специальности. Было бы бесосновательно признать это только в отношении специалиста одной специальности, как это делается в ст. 67, ч. I, УПК РСФСР в отношении судебного врача. Если эксперт по судебной медицине в этом же уголовном деле ранее участвовал в качестве специалиста (принимал участие в осмотре трупа), то это не влияет на его объективность, а предыдущее участие в деле в качестве специалиста другой специальности препятствует назначению его экспертом.

Если исключение является необоснованным, то это дает ос-

---

¹⁰ См. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР под ред. В.А. Болдырева. М., 1963, ст. 82 комм. 12; Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Под ред. Л.Н. Смирнова. М., 1970, ст. 186 комм. 7; Е.Л. Аропкер. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий. - Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. М., 1962, с. 54.

¹¹ См., напр., Е.Л. Аропкер. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий. - Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. М., 1962, с. 54; И.Ф. Крылов. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963, с. 199; Н.И. Порубов. Научная организация труда следователя. Минск, 1970, с. 245; М.Л. Мамо-тук, И.К. Волкова. Участие специалиста-биолога в следственных действиях. - Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 9. Киев, 1972, с. 52; Процессуальные вопросы производства судебной экспертизы по новому уголовно-процессуальному законодательству Венгерской Народной Республики. - Обзорная информация. Вып. 4. Министерство юстиции СССР. Отдел научной информации Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. М., 1976, с. 21.

нование сомневаться и в правильности общего положения,¹² по которому специалисту запрещено участвовать в деле в качестве эксперта.

Нельзя забывать, что запрещение использования специалиста в расследуемом уголовном деле в качестве эксперта, существенно затрудняло бы работу следователя¹³ и оказывало бы отрицательное воздействие на следственную практику.

Это объясняется тем, что в Эстонской ССР по отдельным специальностям имеются только некоторые лица, владеющие в уголовном деле необходимыми специальными познаниями.

Если следователю известно только одно лицо, владеющее в уголовном деле необходимыми специальными познаниями, и ясно, что по этой же специальности необходимо провести экспертизу, он должен воздержаться от использования помощи специалиста. Поступать по-другому, значит отказываться от назначения экспертизы.

Если необходимо решить, кого из двух лиц пригласить участвовать в следственном действии специалистом, кого назначить экспертом, следователь вынужден использовать в качестве специалиста лицо с более низкой квалификацией, учитывая, что экспертиза в данном случае должна проводиться опытным экспертом.

Если лицо, участвовавшее в деле в качестве специалиста не может быть экспертом, то появляются трудности и при назначении комиссионных экспертиз. Все это существенно ограничивало бы использование специальных познаний в уголовном процессе и затрудняло бы быстрое и полное раскрытие преступлений. Поэтому и необходимо в УПК ЭССР прямо указать, что предыдущее участие в деле в качестве специалиста не может быть основанием для отвода этого лица, если он был назначен экспертом.

Как должен поступать следователь в случае, когда обвиняемый заявляет отвод эксперту, ссылаясь при этом на то, что он работает в Оперативно-техническом отделе Министерства внутренних дел Эстонской ССР или в другом оперативно-техническом звене? В специальной литературе высказана точка зрения, что эксперт, работающий в системе Министерства внутренних дел, не имеет право проведения судебных экспертиз. При

¹² См. В.И. Шиканов. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978, с. 40.

¹³ См. П. Копейко, А. Леви. Совершенствовать производство экспертиз. - Социалистическая законность, 1980, № 8, с. 30.

этом утверждается, что проведение экспертиз в системе, охватывающей выполнение оперативно-розыскных заданий, дознания и предварительного следствия, возбуждает обоснованное подозрение в объективности такого эксперта.¹⁴

Такая постановка вопроса, когда эксперты, работающие в системе Министерства внутренних дел Эстонской ССР, не вправе провести экспертизы, совершенно неправильна. Право проведения экспертизы им дано ведомственными актами. Поэтому можно только спорить об этом, является ли проведение экспертиз в системе Министерства внутренних дел Эстонской ССР обоснованным и целесообразным. То обстоятельство, что эксперт работает в системе Министерства внутренних дел Эстонской ССР, не может быть основанием для такого мнения, что он необъективен. Как и каждый другой работник Министерства внутренних дел, он заинтересован только в том, чтобы все преступления были бы раскрыты полностью и все обстоятельства, подлежащие доказыванию, были бы выяснены всесторонне, полно и объективно.

Эксперт дает заключение от своего имени и несет за это личную ответственность. За отказ от выполнения своих обязанностей без законного основания или за дачу заведомо ложного заключения эксперт отвечает по ст. ст. 173 и 175 УК ЭССР. Кроме того, заключение эксперта не имеет заранее установленной силы или преимущества по сравнению с другими доказательствами. Независимо от того, в каком ведомстве эксперт работает, его заключение подлежит проверке и оценке как отдельно, так и в совокупности с другими доказательствами.

Но при этом необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что эксперт, работающий в системе Министерства внутренних дел, может участвовать в этом же деле в оперативно-розыскных действиях (об этом данные в уголовном деле отсутствуют) и в связи с этим он может узнать оперативно-розыскные данные, которые могут на него невольно повлиять при оценке результатов исследования. Хотя эксперт не заинтересован в деле, он может при таких условиях, например, вместо того, чтобы при идентификации сделать вывод в предположительной форме или констатировать только совместную групповую принадлежность, дать заключение в категорической форме или установить тождество конкретного объекта.

Все эти обстоятельства требуют тщательной проверки и

---

¹⁴ См. напр. И.Л. Петрухин. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 188.

оценки заключения эксперта, работающего в системе Министерства внутренних дел.

Экспертами оперативно-технического отдела Министерства внутренних дел Эстонской ССР и других оперативно-технических звеньев проводится в настоящее время существенная часть экспертиз. Их производят по постановлениям о назначении экспертизы следователей Министерства внутренних дел и прокуратуры.

Так как проведение экспертиз в системе Министерства внутренних дел официально допущено, поэтому не является обоснованным заявленный обвиняемым отвод эксперту только на том основании, что эксперт работает в системе Министерства внутренних дел.¹⁵

По ст. 26, ч. 4, УПК ЭССР не допустимо назначать экспертом лицо, в отношении которого стали известными обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности. Однако эти обстоятельства должны быть такими по своему характеру, чтобы объективно давали бы основание считать, что эксперт лично, прямо или косвенно заинтересован в этом деле. Поэтому следует считать обоснованным отвод эксперту, который работает в служебной подчиненности лица, заинтересованного в деле.

Обвиняемый вправе ходатайствовать о назначении эксперта из числа указанных им лиц. Если необходимо, обвиняемому сообщают имена экспертов, работающих в экспертном учреждении, по специальности которых необходимо в уголовном деле использовать специальные познания, а также данные о их компетенции и квалификации.

Если обвиняемый ходатайствует о назначении эксперта вне экспертного учреждения и называет его имя, то обвиняемому объясняют, что экспертом может быть такое лицо назначено только тогда, когда оно лично, прямо или косвенно, не заинтересовано в деле, если у него имеются для проведения экспертизы необходимые специальные познания, заявленный обвиняемым отвод эксперту, назначенному следователем, обоснован.

Одновременно обвиняемый может ходатайствовать при назначении комиссионной экспертизы, что наряду с экспертами, назначенными следователем, участвовал бы и указанный им эксперт.

---

¹⁵ См. Всемерно улучшать организацию следственной работы. - Социалистическая законность, 1964, № 9, с. 10; М.К. Гурский. К вопросу об экспертных функциях учреждений криминалистических исследований МООП УССР. - Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 2. Киев, 1965, с. 117; А.И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в европейских странах народной демократии. М., 1959, с. 49.

Такое ходатайство не удовлетворяют в случае, если следователь не считает целесообразным, исходя из экспертного задания, назначить комиссионную экспертизу или увеличить состав комиссии экспертов. Ходатайство, заявленное обвиняемым, остается без удовлетворения и в том случае, когда известно, что лицо, указанное им в качестве эксперта, не может немедленно приступить к проведению экспертизы из-за болезни или по другим причинам, а промедление проведения экспертизы может обусловить необходимость продления срока предварительного следствия.

Обвиняемый вправе присутствовать с разрешения следователя при проведении экспертизы, давать эксперту объяснения и задавать ему вопросы. Такое разрешение дается только тогда, когда присутствие обвиняемого содействует всестороннему, полному и объективному решению экспертных заданий (например, при судебно-бухгалтерской экспертизе, когда эксперт использует объяснения обвиняемого для построения экспертных версий и хода экспертных исследований). Однако присутствие обвиняемого не должно мешать проведению экспертизы и для предотвращения этого необходимо, чтобы одновременно с обвиняемым при проведении экспертизы, согласно ст. 158, ч. 5, УПК ЭССР, присутствовал и следователь.

Обвиняемый вправе ознакомиться с экспертизой.¹⁶ В специальной литературе высказано мнение, что следователь должен ознакомить обвиняемого с экспертизой немедленно.¹⁷ Выполнение же этого требования не всегда оправдано. Бывает, что прежде, чем ознакомить обвиняемого с экспертизой, необходимо собрать еще дополнительно новые доказательства, чтобы по тактическим соображениям предъявить обвиняемому заключение в совокупности с другими доказательствами. И все же следователь не должен медлить с ознакомлением обвиняемого с экспертизой: когда обвиняемый обоснованно ходатайствует о назначении дополнительной или повторной экспертизы, то проведение ее может обусловить необходимость продления срока предварительного следствия.

---

¹⁶ Право обвиняемого ознакомиться с экспертизой, согласно ст. 162, ч. 1, УПК ЭССР, охватывает возможность знать такие материалы, как акт экспертизы или акт о невозможности производства экспертизы, а также протокол допроса эксперта.

¹⁷ Vt. O. Püssa. Ekspertiisi määramine ja tegemine. Tartu, 1966, lk. 77.

**УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДСУДИМОГО И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Х.Б. Саарсоо

кандидат юридических наук, доцент

1. Статья 193 "Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР" устанавливает, что "по уголовным делам несовершеннолетних в судебное заседание вызываются родители или законные представители подсудимого. Суд может допросить их в качестве свидетелей, причем они вправе находиться в зале суда в течение всего судебного заседания".

Именно в такой формулировке закон устанавливает участие в судебном заседании родителей и всех других законных представителей^I несовершеннолетнего подсудимого.

Законными представителями являются его родители, усыновители, опекуны, попечители, а также представители учреждений и организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний (ст. 34 п. 8 УПК РСФСР).

В соответствии со статьями 67 ч. 2, 125 ч. I и 135 ч. I "Кодекса Эстонской ССР о браке и семье" защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей возложена на их родителей, усыновителей, опекунов или попечителей. Наряду с правом законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела, в случае необходимости даже в отсутствии обвиняемого (ст. 170), правом ходатайствовать о дополнении материалов следствия (ст. 169 п. 4) и правом обжаловать приговор суда (ст. 290), "Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской ССР" ставит его в положение свидетеля с той лишь разницей, что представитель подсудимого может находиться в течение всего судебного заседания в зале суда.

---

^I Такая формулировка закона исключает родителей из числа законных представителей, ввиду чего в текст закона необходимо включить слово "другие" в следующем сочетании "родители или другие законные представители".

Участвуя в качестве гражданского ответчика, законный представитель несовершеннолетнего подсудимого является уже самостоятельным участником уголовного процесса и приобретает все права, предусмотренные в ст. 43, ч. 2, УПК ЭССР. Он имеет право возражать против предъявления иска, давать объяснения по существу предъявленного иска; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия; участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; предъявлять жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также жалобы на приговор и определение суда в части, касающейся гражданского иска.

Из приведенного выше усматривается, что процессуальное положение и объем прав законного представителя по приведенным статьям закона зависит от того, причинил ли подсудимый преступлением материальный ущерб, за который его законные представители несут имущественную ответственность, или нет. Это, однако, не согласуется с правами, предоставленными законному представителю законом. Поэтому представляется более правильным, что права законного представителя несовершеннолетнего на судебном заседании должны быть значительно шире, чем они перечислены в ст. 193 УПК ЭССР. Суд должен предоставить ему возможность их реализовать.

На этой же позиции стоит и пленум Верховного Суда СССР, который в своем постановлении № 16 от 3 декабря 1976 г. "О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность"² в п. 4 обращает внимание судов на необходимость точного соблюдения требований ст. 399 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик об участии в судебном заседании законных представителей несовершеннолетнего подсудимого и обеспечения их процессуальных прав. Права же законного представителя несовершеннолетнего подсудимого четко зафиксированы в ст. 139 ч. I УПК РСФСР. На судебном разбирательстве уголовного дела он имеет право участвовать в исследовании доказательств, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы. Эта же статья содержит положение о том, что указанные права должны быть ему разъяснены при открытии судебного заседания.

² См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № I, с. 18-19.

В соответствии со статьей третьей Закона СССР "О Верховном Суде СССР"³ руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР по вопросам применения законодательства обязательны для судов, других органов и должностных лиц.

Учитывая, что законодатель считает представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика участниками уголовного процесса (с. 44 УПК ЭССР), должен бы и представитель несовершеннолетнего подсудимого быть наделен по крайней мере теми же правами, что имеют и указанные участники процесса. Из этого следует, что для обеспечения реализации прав представителя несовершеннолетнего подсудимого необходимо будет статью 193 УПК ЭССР соответственно дополнить. В настоящее время судебная практика ограничивается лишь допросом его в качестве свидетеля и не больше. Такая практика имеет место не только в нашей республике⁴.

Вопрос вызова законного представителя на судебное заседание разрешается на стадии предания суду распорядительным заседанием суда (см. ст. 185 ч. 2 УПК ЭССР).

Если в суд явились оба родителя, суд может, учитывая их мнение и задачи обеспечения защиты законных интересов несовершеннолетнего, предоставить права законного представителя одному из родителей, о чем выносится определение суда. Использование помощи законного представителя не исключается и в тех случаях, когда несовершеннолетний обвиняемый (подсудимый) проживает один или у лиц, которые не являются его опекунами или попечителями. В этих случаях в качестве законного представителя суд должен вызвать представителя органа опеки и попечительства.

Поскольку лицо по достижению 18-летнего возраста обладает дееспособностью совершеннолетнего, функция законного представителя с этого момента прекращается. В этих случаях суд может ограничиться допросом родителей или лиц, их заменяющих, в качестве свидетелей⁵.

Если законный представитель в суд не явился, суд должен будет решить вопрос о возможности рассмотрения дела без его участия.

---

³ См. Ведомости Верховного Совета СССР, 1979, № 49, ст. 848.

⁴ См. А.С. Ландо. Представители несовершеннолетних обвиняемых в Советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1973, с. 16.

⁵ См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 1, с. 18-19.

При допросе законного представителя в качестве свидетеля делается это по возможности в самом начале судебного следствия. Оценивая его показания, суд должен учитывать обстоятельство, что законный представитель несовершеннолетнего находился в зале суда в течение всего судебного заседания и он ознакомлен со всеми материалами уголовного дела с момента окончания предварительного следствия. Критическое отношение к показаниям законного представителя обусловлено и тем, что он является в той или иной мере ответственным за поведение несовершеннолетнего подсудимого и за последствия его поведения. Поэтому он заинтересован в исходе уголовного дела.

Законный представитель несовершеннолетнего может являться одновременно и гражданским ответчиком. Однако его функции не соединимы с функциями потерпевшего⁶. С разрешения следователя и суда он может быть также защитником (см. ст. 36 ч. I УПК ЭССР).

Если участие законного представителя в судебном заседании по уголовному делу может повредить законным интересам несовершеннолетнего, суд может вынести мотивированное определение и удалить его временно (на время допроса несовершеннолетнего) или до конца судебного заседания из зала суда. При временном удалении по возвращению в зал суда председательствующий знакомит его со всеми судебными действиями, выполненными в его отсутствие. "Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской ССР" возможности его удаления из зала судебного заседания не предусматривает, ввиду чего представляется необходимым в этой части ст. 193 УПК ЭССР дополнить.

Исходя из принципа равноправия законного представителя с участниками процесса, он должен бы иметь право участвовать в судебных прениях⁷, также право ознакомиться с протоколом судебного заседания и представлять замечания о неправильных записях и неточностях в протоколах (см. также ст. 82 ч. I и 256 ч. 2 УПК ЭССР). Эти дополнения необходимо

также внести в УПК ЭССР. В противном случае процессуальное положение законного представителя остается зависимым от того, признан ли он в уголовном деле гражданским ответчиком или не признан.

⁶ См. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Отв. ред. А.Р. Орлов. М., 1976, ст. 399, комм. 9.

⁷ См. П.П. Тепляков. Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1973, с. 20.

2. В целях усиления воспитательного воздействия судебного разбирательства дела о несовершеннолетнем и выяснения причин и условий, способствовавших совершению преступления, суды на основании ст. 400 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик должны шире привлекать к участию в судебном заседании представителей учебно-воспитательных учреждений, общественных организаций, а также комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства. Такую обязанность суда предусматривает п. 5 "постановления Пленума".

В "Уголовно-процессуальном кодексе Эстонской ССР" это предписание отсутствует. В связи с этим судебная практика нашей республики в части вовлечения указанных представителей в судебное заседание подходит к этому вопросу иначе. Ввиду того, что права представителей законом не регламентируются, судьи рассматривают их как "наблюдателей". Остается неясным также, представителя какого учреждения или органа в каждом конкретном случае вызывать в суд, тем более, что вскоре после опубликования "постановления Пленума" ввели в действие инспекции по делам несовершеннолетних⁸, участие представителя которого также необходимо всегда, когда сам подсудимый или его семья состоит на учете в инспекции.

В соответствии с п. 5 "Постановления Пленума" разрешается вопрос вызова представителя в суд на стадии предания суду. При разрешении этого вопроса суд должен исходить из связи подсудимого с соответствующим учреждением, органом или организацией (обучением, работой, состоянием на учете и т.д.).

В дополнении к предусмотренному в п. 5 "Постановления Пленума" праву представителя излагать суду мнение о подсудимом или его родителях, о принимаемых мерах предупредительного, воспитательного характера и по другим обстоятельствам, связанным с выявлением и устранением причин и условий, способствовавших совершению преступления, этот представитель вправе также находиться в зале суда в течение всего судебного заседания. Это обстоятельство суд должен учитывать при оценке его показаний, поскольку не исключена возможность его допроса в качестве свидетеля.

Права на судебном разбирательстве разъясняются представителям на подготовительной части судебного заседания. В

---

⁸ См. "Ведомости Верховного Совета СССР", 1977, № 6, ст. 138, в связи с чем ликвидировали детские комнаты милиции.

противном случае они не могли бы свои права использовать.

Нельзя считать правильным замену такого представителя общественным обвинителем или общественным защитником. У них различные функции, которые не могут быть объединены.

Спорной является также практика использования представителя учебного учреждения, инспекции по делам несовершеннолетних или комиссии по делам несовершеннолетних в качестве педагога при допросе несовершеннолетнего свидетеля (обвиняемого), не достигшего шестнадцати лет. Исполняя в таком случае функции специалиста (см. ст. III¹ УПК ЭССР), может пострадать объективность исследования обстоятельств⁹.

Как это усматривается из вышесказанного, при исполнении указаний "Постановления Пленума" по вопросам обеспечения участия представителей учебных и воспитательных учреждений и других органов в судебном разбирательстве уголовных дел возникают проблемы, требующие законодательной регулировки. Это было бы необходимо сделать путем дополнения "Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР" соответствующими предписаниями.

В противном случае суд не может при выборе средств исправления и перевоспитания несовершеннолетнего подсудимого в достаточной мере использовать помощь общественности, в результате чего пострадает эффективность борьбы с преступностью.

---

⁹ В связи с участием педагога нельзя согласиться с тем положением, что он высказывает свое мнение по поводу правильности показаний несовершеннолетнего свидетеля (по содержанию). Так, например, педагог на судебном заседании заявил: "Знаю Р. уже полгода, считаю, что он говорит правду". (См. Х. Саарсоо. О роли советского уголовного процесса в борьбе с преступностью несовершеннолетних на предварительном следствии. Канд. дисс. Тарту, 1971, с. 237. Научная библиотека ТТУ). Такое мнение педагога не имеет никакого доказательственного значения, поскольку не ясно, на каком основании он к такому заключению пришел. Кроме того, по содержанию имеет место оценка доказательств, которая в соответствии со ст. 50 УПК ЭССР принадлежит суду и прокурору и не является обязанностью педагога как специалиста (см. также ст. III¹ УПК ЭССР).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Р.А. Марусте
преподаватель

На важность изучения правового опыта других социалистических государств указывал во время составления новой Конституции нашей страны Л.И. Брежнев, отмечая, что представляющие интерес положения конституций этих государств "не были бы оставлены без внимания"¹. Правильность этой точки зрения вытекает из того, что "изучение зарубежного права позволяет выявить сходные и отличительные черты тех или иных правовых систем, установить тенденции и закономерности развития однотипных правовых систем и входящих в них правовых институтов..."².

В большинстве социалистических государств Европы судебно-психологические исследования начались в пятидесятых годах, и к настоящему времени уже имеется значительный опыт в теории и практике. Независимость обрела и психологическая экспертиза, которая оказывает существенную помощь правоведам этих стран. Главная задача психологической экспертизы в Германской Демократической Республике и Польской Народной Республике заключается в исследовании несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых с целью определения их способности нести уголовную ответственность.

1. Наиболее сложившиеся организационные формы и научные основания психологическая экспертиза обрела в Польской Народной Республике³. Центральным звеном изучения судебной

¹ Брежнев Л.И. О проекте конституции Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977, с. 6.

² Дубенский А.И. Сравнительно-правовой метод и советская наука уголовного процесса. - Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979, с. 206.

³ Так полагает, например, и Коченов М.М. См.: Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977, с. 54.

психологии и психологической экспертизы является там психолого-криминалистический отдел Института судебных экспертиз, созданный в 1967 г. В этом учреждении подготавливаются кадры, проводятся экспертизы и ведутся научные исследования.⁴

В системе Министерства юстиции действуют имеющиеся в ряде воеводств учреждения психологической экспертизы. Каждый воеводский суд имеет в своем распоряжении список специалистов, работающих в университетах, учреждениях народного образования, здравоохранения и других ведомствах, которые могут выступать в качестве судебно-психологического эксперта.

С 1967 года в Польше начали создавать психолого-криминалистические консультации, целью которых является оказание помощи судам в избрании наиболее целесообразной меры воздействия в отношении несовершеннолетнего правонарушителя.⁵

В штаты консультаций входят психолог, педагог и врач-психиатр. Судами примерно два раза в неделю направляются в консультации дела о несовершеннолетних правонарушителях, главным образом подозреваемых в каких-либо отклонениях от психической нормы, а также выделяющихся по характеру преступного деяния.⁶ Каждый специалист проводит обследование, руководствуясь специальными анкетами, куда впоследствии вносятся данные обследования. Психологическое обследование проводится психологом в помещении консультации в течение от 3 до 5 часов, в зависимости от индивидуальности исследуемого и применяемых методов. Обследование проводится в специальном кабинете в присутствии только обследуемого лица. После вступительной беседы и освоения подростка с ситуацией в зависимости от возраста обследуемого применяются соответствующие тесты, шкалы, вопросники.⁷

После окончания всестороннего обследования составляет-

---

⁴ См. M. Gręcar. Działalność i zadania zakładu psychologiczno-kryminologicznego. / Деятельность и задачи психолого-криминалистического отдела Института судебных экспертиз - В кн.: Судебная экспертиза за рубежом. Реферат информации. М., 1977, № 4, с. 5.

⁵ См. H. Namowicz. Powstanie i działalności Poradni psychologiczno-kryminologicznej w Warszawie. - "Przegląd Penitencjary". 1967, s. 106.

⁶ Л.А. Бергер. Борьба с преступностью несовершеннолетних в Польской Народной Республике. Канд. дисс. М., 1973, с. 93.

⁷ См. там же, с. 92-93.

ся заключение, содержащее данные о среде обследуемого и заключающее подробную информацию об отце, матери, ближайших родственниках, материальных и бытовых условиях, характеризуется также история развития подростка (детство, школьный период, воспитательные трудности, преступность), излагаются результаты психологического и врачебного обследования (черты личности, умственное развитие, психологическое состояние).⁸ В конце заключения даются рекомендации для суда о целесообразности применения тех или иных мер в процессе перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя. Закон требует, чтобы данные об обследовании оглашались в отсутствие несовершеннолетнего.

Согласно инструкции Министерства юстиции Польской Народной Республики от 1 декабря 1950 г. судами для несовершеннолетних заполняются регистрационные карточки по материалам дела каждого заключенного, где даны все результаты проведенных исследований. Это является и большим подспорьем для лиц, занимающихся перевоспитанием несовершеннолетних, как справедливо отмечает Л.А. Бергере.⁹

В уголовном и уголовно-процессуальном законе Польской Народной Республики вообще много внимания уделено изучению личности преступника (см., напр. ст. 50 §2 УК ПНР и ст. 65 § I п. 2, ст. 73 § 2 УПК ПНР). В частности, ст. 65 § I п. 2 УПК ПНР предусматривает обязательность обвиняемого подвергнуться наряду с психиатрическими и психологическим исследованиям, если это необходимо для собирания доказательств. Психологическую экспертизу УПК ПНР прямо не предусматривает, зато она предусмотрена как обязательная в ст. 2 Регламента о судопроизводстве по делам несовершеннолетних.

Одним из основных разделов заключения судебно-психологической экспертизы в Польской Народной Республике выступает общая характеристика обвиняемого, в частности несовершеннолетнего, с акцентированием внимания на тех качествах личности, которые наиболее значимы для доказывания по конкретному уголовному делу. Характеристика дается независимо от содержания поставленных на разрешение вопросов. Всестороннее изучение личности может быть и единственной целью психологической экспертизы, без каких-либо конкретных вопросов. Для составления по делу такой характеристики эксперты-психологи собирают как можно больший материал об условиях жизни и осо-

---

⁸ См. там же.

⁹ См. Л.А. Бергере. Указ. соч., с. 94.

бенностях развития обследуемого, а впоследствии приводят анализ собранного материала. Таким образом дается объективный анализ личности, и экспертиза не сводится лишь к анализу наиболее значимых для дела психических качеств обвиняемого. По справедливому замечанию Д.П. Котова, в этом как раз и проявляется личностный подход к человеку.¹⁰

Для исследования психических качеств обвиняемого эксперт изучает материалы уголовного дела, а в необходимых случаях и документацию медицинских учреждений, беседует с родственниками, товарищами, учителями обследуемого, применяет стандартизированные психологические методики с дальнейшей количественной обработкой (шкалу Векслера, тесты Роршаха, ТАТ, вопросник Айзенка и др., а также и методики, позволяющие осуществлять качественный анализ полученного материала).¹¹

Компетенция психологической экспертизы в Польской Народной Республике весьма широкая. Более разработанными вопросами являются, например, вопрос о возможности несовершеннолетнего, с учетом его возрастных особенностей и индивидуальных качеств, нести уголовную ответственность за конкретное совершенное преступление, вопрос о мерах воздействия (наказания), которые в конкретном случае можно считать наиболее приемлемыми и рациональными, вопрос о достоверности показаний обвиняемого и др.¹²

Психолог М. Грчар и юрист А. Вольны в своей совместной статье "Роль эксперта-психолога при получении и оценке показаний несовершеннолетних свидетелей"¹³ отмечают, что привлечение экспертов-психологов для участия в делах этой категории обуславливалось следующими обстоятельствами:

¹⁰ См. Д.П. Котов. Исследование психических качеств обвиняемого и судебно-психологическая экспертиза в Польском уголовном процессе. - Гарантии прав личности в уголовном процессе Польской Народной Республики. Ярославль, 1976, с. 27.

¹¹ См. там же.

¹² См. там же, с. 28

¹³ См. М. Gręcar, A. Wolny. Rola biegłego psychologa w zbadaniu i ocenie zeznań nieletnich świadków. - W: Z zagadnień kryminalistyki. VI. Warszawa, 1971, s. 30-41. Ссылка дается по статье В.Г. Китченко. Использование метода судебно-психологического анализа в деятельности органов правосудия Польской Народной Республики. - Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Вып. 4, Калининград, 1975, с. 117-120.

- 1) трудность получения показаний от несовершеннолетних свидетелей и правильной их оценки,
- 2) показания несовершеннолетних свидетелей в большинстве этих дел являлись единственными доказательствами,
- 3) суровые меры наказания, применяемые к обвиняемым.

Подчеркивается, что без психологического исследования невозможно достаточно правильно оценить влияние на восприятие свидетелями таких факторов, как возможность наблюдения, способность восприятия вообще, восприятие цвета, пространства, движения и т.д.

Верховный Суд Польской Народной Республики неоднократно в своих постановлениях определял необходимость обязательного проведения судебно-психологических экспертиз по делам о преступлениях несовершеннолетних в случаях, когда показания их составляют единственную основу обвинения.¹⁴

Объем и характер вопросов весьма своеобразен: степень умственного развития ребенка, черты характера, склонность к фантазии и лживости, имело ли место внушение и др.

Исследование М. Грчар и А. Вольны показало, что в 72,7 % случаев психологическая экспертиза имела для судебных органов существенное доказательственное значение. Значение имеет также мнение эксперта о целесообразности меры наказания.¹⁵

М. Грчар вместе с Т. Яскевичем полагают, что определение мотивов конкретного преступления должно стать тоже предметом судебно-психологической экспертизы ввиду сложности объекта исследования и возникающих в связи с этим трудностей.

Характерным для судопроизводства Польской Народной Республики является отсутствие точных границ, разделяющих компетенцию психологической и психиатрической экспертиз и распространенность комплексных экспертиз. Большое значение придается возможности установления экспертным путем эмоционального состояния преступника в момент совершения противоправных действий (сильного возбуждения и др.).

Глубину и серьезность сделанного в области психологической экспертизы показывает и факт, что в Польше издана солидная монография А. Соколовской. "Судебно-психологическая экспертиза в делах малолетних и ее методы".¹⁶

¹⁴ См. М. Gręcar, A. Wolny. Указ. работа, с. 33.

¹⁵ См. М. Gręcar, A. Wolny. Указ. соч., с. 39.

¹⁶ A. Sokolowska. Psychologiczna ekspertyza sądowa w sprawach dzieci i metodzi ezy. Warszawa, 1977.

2. Германская Демократическая Республика является государством, где психологическая экспертиза прямо предусмотрена законодательством и применяется в отношении несовершеннолетних. Ст. 74 УПК ГДР, именуемая "Психиатрическая и психологическая экспертиза", п. I гласит, что "Суд, прокурор и следственные органы могут распорядиться о проведении экспертизы в целях установления уголовной ответственности несовершеннолетнего обвиняемого или подсудимого. Заключение эксперта распространяется на оценку способности сознавать свою вину и должно содержать предложения о дальнейших условиях воспитания и жизни несовершеннолетнего".¹⁷

В борьбе с преступностью несовершеннолетних ГДР особо подчеркнуто выражен личностный подход. Этот принцип прямо исходит из закона. Так, ст. 66 УК ГДР регулирует способность несовершеннолетних быть виновным: субъективные предпосылки уголовной ответственности (способность быть виновным) должны быть точно и определенно установлены по каждому делу; они имеются налицо, если несовершеннолетний при принятии решения совершить деяние был способен по уровню развития личности руководствоваться действующими в этом случае правилами общественной жизни.

В уголовно-процессуальном законодательстве Германской Демократической Республики нашло место частное регулирование и сохранение профессиональной тайны участвующим в процессе в качестве эксперта и специалиста-психолога. Ст. 27 УПК ГДР предусматривает право психолога отказаться от дачи показаний об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с его должностной деятельностью.

От более широкого толкования функции эксперта в уголовном процессе ГДР вообще вытекает и более широкое (в сравнении с СССР) понимание задач психологической экспертизы. Так, ст. 38 УПК ГДР гласит, что "сведущие люди могут оказать помощь суду, прокурору и следственным органам, давая заключения при исследовании преступного деяния, его последствий, общественных взаимосвязей, его причин и условий к установлению уголовной ответственности обвиняемого и подсудимого. Они должны также указывать вытекающие из экспертного исследования меры по предупреждению правонарушений".

По данным В. Рыбальской,¹⁸ относящимся к 1968 году, в

¹⁷ См. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы ГДР. Под ред. М.А. Гельфера. М., 1972.

¹⁸ См. В. Рыбальская. Судебно-психологическая экспертиза по

Германской Демократической Республике при кафедре психологии Берлинского университета им. Гумбольдта двадцать лет тому назад была создана специальная поликлиника, которая регулярно осуществляет психологическую экспертизу в уголовных процессах по делам несовершеннолетних в Берлине и некоторых ближайших городах. В течение 1955-1965 гг. поликлиникой проведено 211 экспертиз по вопросу оценки степени интеллектуальной и нравственной зрелости несовершеннолетних и обвиняемых и 151 экспертиза надежности показаний.¹⁹

В практике судебно-психологических исследований ГДР производится и определение уровня социальной зрелости подростка. Условной точкой при этом, пишет М.М. Коченов, является умение правильно оценивать свой противоправный поступок и его последствие и некоторый минимальный запас правовых знаний. Для этого изучаются побуждения, лежащие в основе противоправного действия, образ жизни, окружение, жизненные планы и т.д.²⁰

Как и в Польской Народной Республике, в Германской Демократической Республике получила признание психологическая экспертиза свидетельских показаний.

После тщательного и всестороннего наблюдения и исследования, что написано должно быть написано в понятных для неспециалиста выражениях с разъяснением использованных специальных приемов исследования (виды тестов, частные методики и т.д.) и содержать ответы на следующие вопросы: а) интеллектуальный уровень с учетом современных требований, запас знаний, способность логически мыслить, словарный запас, умение выражать свои мысли; б) оценка интеллектуальных и профессиональных способностей в сопоставлении с типом высшей нервной деятельности (темперамент, напряжение, активность, темп мыслительной деятельности и поведения, состояние волевой сферы, характер мотивации, интересы, потребности, побуждения с точки зрения соответствия определенным возрастным нормам); в) точное описание особенностей жизненной ситуации, которые представляются эксперту характерными для выработки определенного поведения испытуемого; г) вывод эксперта по конкретно поставленным вопросам (возможность или невозможность не-

делам несовершеннолетних в уголовном процессе Европейских социалистических стран. - Советская юстиция, 1968, № 4, с. 30-31.

¹⁹ См. там же.

²⁰ См. М.М. Коченов. Указ. соч., с. 43.

сения уголовной ответственности, мнение о целесообразной мере воздействия и т.д.). Предложения эти, как подчеркивается в литературе, не могут считаться обязательными для суда.²¹

В случае возникновения трудностей определения вида экспертизы (психологическая или психиатрическая) при назначении экспертизы практикуется назначение комплексных экспертиз.

---

²¹ См. В. Рыбальская. Указ. соч., с. 31.

Содержание

<u>Ю.Р. Адоян.</u> Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного государственным и общественным организациям.....	3
<u>Я.Я. Соотак.</u> Некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы, связанные с доказыванием и квалификацией продолжаемых и повторных хищений .	17
<u>Э.М. Кергандберг.</u> О некоторых вопросах соотношения познания и уголовно-процессуального доказывания...	23
<u>Р.А. Марусте.</u> О понятии судебно-психологической экспертизы	39
<u>Х.Э. Линдмэ.</u> Права обвиняемого при экспертизе	51
<u>Х.Б. Саарсоо.</u> Участие в судебном заседании законных представителей несовершеннолетнего подсудимого и представителей учебно-воспитательных учреждений ..	63
<u>Р.А. Марусте.</u> Психологическая экспертиза в уголовном процессе Польской Народной Республики и Германской Демократической Республики	70

Ученые записки Тартуского государственного
университета.

Выпуск 598.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Труды по правоведению.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

СССР, 202400, г.Тарту, ул.Пилсоны, 18.

Ответственный редактор И. Линдман.

Корректор Н. Чикалова.

Сдано в печать 21.01.1982.

МБ 02935.

Бумага печатная № 1.

Формат 60х90/16.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 4,32.

Печатных листов 5,0.

Тираж 500.

Заказ № 27.

Цена 65 коп.

Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Пилсона, 14.

65 КОП.

Per.
A-1169
Bb17. 598
1982

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00188726 6